

Россия забытая и неизвестная

Сергей Дроков

Адмирал Колчак и суд истории

«Центрполиграф»

2009

Дроков С. В.

Адмирал Колчак и суд истории / С. В. Дроков —
«Центрполиграф», 2009 — (Россия забытая и неизвестная)

Опираясь на архивные документальные первоисточники, значительная часть которых представлена читателю впервые, автор книги стремится к объективному воспроизведению исторической фактологии, атмосферы острой политической борьбы и дает беспристрастный исследовательский анализ общественных процессов начала XX в. Книга наглядно и доказательно вскрывает намеренность фальсификации фактов биографии Верховного правителя России, обнажает сознательную дискредитацию имени и клевету, бездоказательно порочащие честь и достоинство российского адмирала. В целом исследование С. В. Дрокова способствует формированию новой, более адекватной концепции Гражданской войны в Сибири, в том числе относительно личности и деятельности А. В. Колчака и его правительства. Книга является 73-й по счету в книжной серии «Россия забытая и неизвестная», выпускаемой издательством «Центрполиграф» совместно с Российским Дворянским Собранием. Как и вся серия, она рассчитана на широкий круг читателей, интересующихся отечественной историей, а также на государственных и общественно-политических деятелей, ученых, причастных к формированию новых духовных ценностей возрождающейся России.

© Дроков С. В., 2009

© Центрполиграф, 2009

Содержание

ВВЕДЕНИЕ	5
АДМИРАЛ КОЛЧАК И СУД ИСТОРИИ	7
Глава 1	7
Глава 2	44
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Сергей Владимирович Дроков

Адмирал Колчак и суд истории

ВВЕДЕНИЕ

Современная международная обстановка и внутрироссийская политическая ситуация подтолкнули историков к изучению «психологии войны» как феномена, в котором на первый план помимо политики и экономики выступает природа личности в ее прямой зависимости от окружающих обстоятельств¹. Наиболее ярко это проявляется в общественном интересе к попыткам реабилитации Верховного правителя России А.В. Колчака. Постановка вопроса имеет полярные стороны: безусловное признание заслуг российского адмирала перед Отечеством – и юридические выводы о его «преступлениях против мира и человечности».

На одну чашу исторических весов оказались при этом положены диаметрально противоположные «оценочные» критерии: социально-политический строй, система правления и деятельность лидера, давшего своим именем название исторической эпохе – эпохе «колчаковщины». В связи с этим уместно вспомнить слова Г.В. Плеханова: «Влиятельные личности... могут изменять индивидуальную физиономию событий и некоторые частные их последствия, но они не могут изменить их общее направление»².

Казус же состоит в том, что современная российская демократическая Фемида, используя архивные документальные первоисточники из «Следственного дела по обвинению Колчака Александра Васильевича и других», оказалась автономной от следственной фактуры. Так, юридический аспект решения Военной коллегии Верховного суда Российской Федерации, отказавшей в реабилитации, основан на «данных 9 допросов, которые были проведены сотрудниками Чрезвычайной следственной комиссии в 1920 году»³.

При этом вне зоны внимания следователей и Военной коллегии оказалась определяющая историческая фактология: организационные предпосылки окончательного этапа борьбы с реакционным режимом «правобольшевистской атамановщины», именуемой «колчаковщиной»; инициатор создания Чрезвычайной следственной комиссии (ЧСК) и ее цели; состав, регламент работы (порядок ведения допросов) ЧСК; предъявленные Колчаку обвинения и юридическая правомочность текстов допросов.

В соответствии со 2-й статьей Закона Российской Федерации «О реабилитации жертв политических репрессий» (с изменениями на 4 ноября 1995 г., по состоянию на 1 декабря 1995 г.) порядок реабилитации распространяется «на граждан Российской Федерации... подвергшихся политическим репрессиям на территории Российской Федерации с 25 октября (7 ноября) 1917 года...». Был ли гражданин России А.В. Колчак подвергнут политическим репрессиям?

Ответ на этот вопрос раскрыт в материалах Чрезвычайного революционного трибунала (ЧРТ) при Сибирском революционном комитете (Сибревкоме) «по делу самозванного и мятежного правительства Колчака и их вдохновителей». При вынесении приговора на 11-м заседании 30 мая 1920 г. председатель трибунала И.П. Павлуновский⁴ декларировал, что «декретом

---

¹ См.: *Сенявская Е.* Психология войны в XX веке: исторический опыт России. М., 1999.

² *Плеханов Г.В.* Избр. филос. произв. Т. 2. М., 1956. С. 326.

³ *Кашиш С.* Адмирал Колчак оказался бесчеловечнее Берии и Ежова // *Коммерсант-daily*. 1998. 30 апреля; *Березин С.* Обвиняется... Колчак // *Независимая газета*. 1999. 12 февраля; Верховный суд не реабилитировал Колчака // *Московский комсомолец*. 2001. 28 сентября; *Гохман М.* Реабилитации не подлежит // *Российская газета*. 2001. 28 сентября; *Камша В.* Гори, моя звезда. // *Независимая газета*. 2002. 11 февраля и др.

⁴ Павлуновский Иван Петрович (1888–1940?) – видный большевистский деятель, член РСДРП(б) с 1905 г. Службу начал

Совета народных комиссаров, все правительство Колчака было объявлено вне закона. Считая, что в настоящее время, когда острый момент гражданской войны миновал, советская власть нашла возможным, объявленное вне закона, правительство Колчака судить»⁵.

За год до этого приговора, 16 августа 1919 г., Совнарком и ВЦИК в обращении к рабочим, крестьянам и всем трудящимся Сибири заявили: «1. Бывший царский адмирал Колчак, самозвано наименовавший себя «Верховным правителем», и его «Совет министров» объявляются вне закона. Все ставленники и агенты Колчака и находящегося в Сибири союзнического командования подлежат немедленному аресту»⁶.

С учетом данного обстоятельства мы и будем рассматривать применение к «бывшему царскому адмиралу» 3-й статьи Закона «О реабилитации», которая перечисляет мотивы реабилитации, которой подлежат лица (подвергнутые уголовным репрессиям по решению ВЧК, привлеченные к уголовной ответственности и признанные социально опасными) в их исторической последовательности.

С нашей точки зрения, в зале суда современной России требуется именно такой подход в оценке ярлыков и конкретных персонифицированных обвинений.

Считаю своим приятным долгом поблагодарить за предоставленные документы и фактические сведения руководство и специалистов Центрального архива ФСБ России: В.С. Христофорова, В.К. Виноградова, Л.И. Ермакову, С.В. Конинову; начальника отдела международных связей Администрации Национальных архивов и документации США г-на Донна Нила; руководителя Московского бюро Международного института социальной истории (Нидерланды) И.Ю. Новиченко; специалиста Государственного архива Одесской области Украины О.В. Коновалову; руководство и специалистов Российского государственного архива экономики, Российского государственного архива Иркутской области, Российского государственного архива Военно-морского флота.

Особая признательность и благодарность за консультации, практические советы, помощь и фотографии заместителю директора Института российской истории РАН профессору В.М. Лаврову; председателю правления общественного фонда для создания в Москве храма, музея и других сооружений в память о жертвах политических репрессий с 1917 по 1985 г. кандидату технических наук С.С. Зуеву; семье Сафоновых (лично И.К. Сафонову) и кинодраматургу А.К. Уварову; творческому коллективу научно-практического журнала «Отечественные архивы».

писцом Курской казенной палаты, письмоводителем у адвоката, прослушал курс на юридическом факультете Петербургского университета. В 1914 г. призван в Российскую армию; окончил школу прапорщиков, служил в гвардейских частях Петрограда и Царского Села. После Февральской революции избран членом Петроградского Совета; командовал полком, действовавшим против генерала Л.Г. Корнилова. В Октябрьском перевороте – член ВРК в Петрограде, руководил осадой Владимирского юнкерского училища; вместе с Ф.Ф. Раскольниковым и С.Г. Рошалем командовал отрядами по взятию Гатчины; с Н.В. Крыленко участвовал в ликвидации Ставки. В конце 1917 г. – начальник отряда балтийских и черноморских моряков в боях под Белгородом. В ВЧК с момента ее организации; переехал в Москву, принимал руководящее участие в ликвидации «Союза защиты Родины и свободы». С августа 1918 г. – начальник Особого отдела 5-й армии Восточного фронта. Председатель ВЧК в Казани и Уфе после взятия этих городов Красной армией в 1918 г. С апреля 1919 г. по 1920 г. заместитель, а с августа 1920 г. – первый замначальника Особого отдела ВЧК. С 1921 г. – член Сиббюро ЦК РКП(б); участвовал в операции по захвату Р.Ф. Унгерна фон Штернберга. С 1928 г. – замнаркома РКИ, с 1930 г. – член Президиума ВСНХ, с 1932 г. – замнаркома тяжелой промышленности СССР. С 1934 г. – кандидат в члены ЦК ВКП(б). В 1937 г. репрессирован; погиб в заключении.

⁵ Верховный правитель России: Документы и материалы следственного дела адмирала А.В. Колчака: Сб. док. / Под ред. Сахарова А.Н., Христофорова В.С., Трукана Г.А., Виноградова В.К., Дрокова С.В., Соколова А.К., Ермаковой Л.И., Кониной С.В. М., 2003. С. 678.

⁶ Цит. по: Агалаков В.Т. Из истории строительства советской власти в Восточной Сибири. Иркутск, 1958. С. 72.

АДМИРАЛ КОЛЧАК И СУД ИСТОРИИ

Глава 1 ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ОКОНЧАТЕЛЬНОГО ЭТАПА БОРЬБЫ С «КОЛЧАКОВЩИНОЙ»⁷

В начале XXI века отечественные историки столкнулись с необходимостью формирования новой концепции Гражданской войны в Сибири на базе разработки иных подходов. Это обстоятельство во многом определяется состоянием историографии 1920—1980-х годов, сложившейся на основе канонических для той поры источников: а) произведений В.И. Ленина, б) стенограмм, протоколов и постановлений съездов компартии и съездов Советов, в) центральных печатных органов большевистской партии и советского правительства, г) сборников документов, опубликованных Центрархивом и истпартовскими журналами, а также воспоминаний активных участников борьбы с так называемой «колчаковщиной».

Первые из этих двух пунктов не могут способствовать выработке нового, более объективного и аргументированного подхода к нашей проблеме, так как носят абстрактный партийно-публицистический характер и географически оторваны от конкретных мест событий.

К тому же в августе 1919 г. Сибревкому, учрежденному ВЦИКом и Совнаркомом, была делегирована часть руководящих функций в отношении местных сибирских органов власти, а также предоставлено право вносить изменения и дополнения в декреты, постановления и распоряжения высших органов советской власти, диктуемые «сибирской спецификой», что де-юре позволяет говорить об автономности сибиряков от руководящих партийных директив Москвы.

Другие составные части налаженной в прошлом источниковой базы, даже без их внутренней взаимосвязи, могут послужить достаточным поводом к размышлениям⁸.

10 января 1920 г. газета «Правда» опубликовала на первой полосе заметку «Катастрофа», в которой было провозглашено: «Мы ликвидировали самого Колчака: он в наших руках». В поясняющей части этой заметки как-то неоднозначно были описаны причины, приведшие к «ликвидации»: «Колчак и его министр Пепеляев⁹, вместе с золотом, украденным в Казани, захвачены собственными солдатами в Иркутске. Но эти солдаты взяли в плен своих начальников только потому, что сами взяты в плен красными повстанцами».

---

⁷ Употребление понятия «колчаковщина» не отражает негативного отношения автора к личности и деятельности А.В. Колчака и продиктовано, скорее всего, стремлением к объективному воспроизведению хода событий, атмосферы политической борьбы, а также к беспристрастному исследовательскому анализу общественных процессов. (*Примеч. ред.*)

⁸ См.: Никитин А.А. О некоторых малоизвестных страницах истории Гражданской войны в Сибири (1918–1920) // Тезисы науч. конф. «История «белой» Сибири». Кемерово, 1995. С. 6; Шишкин В. Председатель сибирского Совнаркома // Сибирские огни. 1990. № 2. С. 122. Член ЦК РКП(б) Л.Б. Каменев на втором заседании IX съезда РКП(б) 30 марта 1920 г. говорил: «Здесь говорили, что забывают партийную мысль на местах. Спросите т. Смирнова (Иван Никитович, председатель Сибревкома, член ЦК РКП(б). – С. Д.), убивал ли ЦК мысль тех товарищей, которые являлись фактическими хозяевами Сибири. Их было три. Спросите их: убивал ли ЦК их мысли? Он не сошел с ума, чтобы поступать с ними так; он давал общие директивы, общую линию тем людям, которым он доверял, и сносился с ними раз или два в неделю по прямому проводу». – В кн.: Девятый съезд РКП(б). Март – апрель 1920 года. Протоколы. М., 1960. С. 70.

⁹ Пепеляев Виктор Николаевич (1884–1920) – окончил юридический факультет Томского университета; учитель в Бийской мужской гимназии. Член IV Государственной думы от Томской губернии. В 1917 г. избран в состав ЦК партии Народной свободы. В Февральскую революцию комиссар Временного правительства в Кронштадте. Командирован Национальным центром в Сибирь. До декабря 1918 г. председатель Восточного отдела партии Народной свободы. В 1918 г. назначен директором департамента милиции и государственной охраны, в феврале 1919 г. – товарищем министра внутренних дел, министром; 22 ноября – премьер-министром Омского правительства. В январе 1920 г. арестован вместе с Колчаком и в феврале расстрелян.

В отличие от «Правды» «Известия ВЦИК» на первых порах ограничивались уведомлением: «По непроверенным пока сведениям... имеются данные, что Верховный правитель Колчак, со всем золотым запасом, арестован красным партизанским отрядом», а на другой день «красный партизанский отряд» сменился «полковником Пепеляевым»¹⁰.

Лишь 14 января Москва узнала о том, что свержение Омского правительства «организовано эсерами в союзе с Гайдой»¹¹ и при содействии американцев... У эсеров, меньшевиков, крестьянского союза и политического земского бюро, заключивших соглашение, был первоначальный план: свергнув Колчака, образовать независимую Сибирскую республику от реки Оби до Владивостока... в Иркутске образовано правительство из названных групп»¹² (Политический центр. – С. Д.).

Однако такой поворот событий был проигнорирован центральным печатным органом большевиков, посчитавшим, видимо, неоспоримым выраженное 10 января собственное мнение: «Нет больше Колчака, нет «Верховного правителя»... Речь идет теперь уже не о борьбе с ним, а о суде над ним, о возмездии за все его преступления. Повстанцами разбит и Семенов»¹³ – дальневосточный самозванец, соперник Колчака и, может быть, спутник его по дороге от власти в зал революционного трибунала»¹⁴.

Дальнейшую разъяснительную работу о ситуации в Иркутске взяли на себя «Известия ВЦИК», опубликовав передовую статью главного редактора Ю.М. Стеклова¹⁵ «Конец колчаковщины».

«Инициативную роль в этом событии сыграли эсеры... – признавал он, – наученные горьким опытом, эсеры... действуют теперь в контакте с большевиками, в частности с партизанскими отрядами. Нужно надеяться, что они будут иметь благоразумие не противиться советской власти и выполнят ее требования, отвечающие создавшемуся положению дел...

Эсеры будут с гордостью указывать на иркутские события, как на пример той борьбы в тылу контрреволюции, о которой говорила резолюция IX Совета их партии... но не следует забывать, что выступление эсеров против Колчака стало возможным лишь в результате двух факторов, не зависящих от их воли, а именно: побед Красной армии, во-первых, и поддержки американцев, во-вторых».

¹⁰ Пепеляев Анатолий Николаевич (1891–1938) – во время Первой мировой войны прошел карьеру от поручика до полковника. В начале 1918 г. сформировал и возглавил Среднесибирский корпус, в декабре 1918 г. руководил взятием Перми; после разгрома армии Омского правительства эмигрировал в Харбин. В 1922 г. захвачен Красной армией в плен во время подавления Якутского восстания; приговорен к расстрелу, замененному 10 годами заключения.

¹¹ Гаида Ра(у)дола (Гайдл Рудольф) (1892–1948) – по образованию фармацевт, родом из Моравии, г. Которн. В 1912 г. принимал участие в сражении у Скутари, участник Балканской войны. В октябре 1914 г. перешел на сторону славян, вступив в Черногорские войска. После отступления черногорцев перебрался в Россию, сражался в составе 1-й Сербской дивизии в Добрудже. В сентябре 1916 г. переведен мл. офицером во 2-й Чехословацкий полк, командовал ротой, батальоном. Награжден орденом Св. Георгия IV степени, получил в командование полк, в июле 1917 г. произведен в капитаны. С весны 1918 г. командир 7-го Чехословацкого корпуса, с сентября – генерал, командир 2-й дивизии, в декабре назначен Колчаком командующим Сибирской армией. После провала весеннего наступления 1919 г. смещен с поста, лишен звания генерал-лейтенанта и «вычеркнут из списков русской армии», во Владивостоке совершил попытку вооруженного переворота.

¹² Правда. 1920. 10 января; Известия ВЦИК. 1920. 10, 11 и 14 января.

¹³ Семенов Григорий Михайлович (1890–1946) – генерал-лейтенант. В 1911 г. окончил Оренбургское военное училище. В Первую мировую войну воевал на Кавказском фронте, командуя сотней в Верхнеудинском полку Забайкальской казачьей дивизии. С июля 1917 г. комиссар Временного правительства в Забайкальской области по формированию добровольческих частей; в 1918 г. – командир отдельного корпуса в Чите, затем – атаман Забайкальского казачьего войска. В феврале – сентябре 1919 г. пытался создать под своим протекторатом монголо-бурятское государство Великой Монголии. Назначен Колчаком командующим Иркутского, Забайкальского и Приморского военных округов, с производством в генерал-лейтенанты (декабрь 1919 г.). 5 января 1920 г. ему была передана вся полнота власти на территории Российской Восточной окраины; с сентября 1921 г. в эмиграции. В сентябре 1945 г. захвачен авиадесантом Красной армии, расстрелян 30 августа 1946 г.

¹⁴ Правда. 1920. 10 января.

¹⁵ Стеклов (Нахамкис) Юрий Михайлович (1873–1941) – политический и государственный деятель, историк, публицист. В 1917 г. член исполкома Петроградского Совета. С 1917 г. главный редактор газеты «Известия ВЦИК». Репрессирован.

При этом «выпячивание» Ю.М. Стекловым роли двух факторов (с учетом «педагогической демонстрации» Л.Д. Троцкого на Брест-Литовских переговорах), констатация установления советской власти в Иркутской губернии и отсутствие самостоятельной политики у Политического центра, разгром Колчака и Семенова («которые еще живы, но живы не в Бутырке») соседствовали с признанием того обстоятельства, что значительная часть территории Сибири находилась «в руках контрреволюции, т. е. руках антантовской буржуазии (ибо ведь это одно и то же)»¹⁶.

Если сопоставить информацию «Правды» и «Известий ВЦИК», то трудно понять, кто же являлся победителем в разгроме Омского правительства Верховного правителя: его «собственные солдаты», одновременно находившиеся в плену неких «красных повстанцев», или эсеры, «создавшие Колчака». И могут ли победы «первого фактора», никак не связанные с арестом 27 декабря 1919 г. чехами Колчака в Нижнеудинске (причем регулярные войска Красной армии в Иркутск прибывают 7 марта 1920 г.), сочетаться с «безволием» эсеров, «идущих на поводу» «второго фактора»?

Какое «требование большевиков» к эсерам, «отвечающее создавшемуся положению», имел в виду Стеклов? Видимо, наипервейшее – власть. Но «иркутское правительство» «действует в контакте с большевиками», «красными повстанцами» и «красными партизанами», к тому же «речь идет теперь уже не о борьбе с Колчаком, а о суде над ним». Какая же при этом подразумевалась власть и от кого исходило ее требование: от центральной или местной советской власти?

Постепенно концепция от рамок трех газетных строк «Правды» по случаю «пленения» Красной армией «поднятого на штыки своими собственными солдатами» Верховного правителя сузилась в одно все определяющее положение: «Через две недели после расстрела Колчака Красная армия заняла Иркутск, окончательно закрепив завоевания Октябрьской революции на территории Сибири»¹⁷.

А это, в свою очередь, прямо сказалось на всей дальнейшей историографии, которая подстроилась под эти три строчки, сфокусировав внимание на том, как Колчак якобы лично «порол уезды», «мучил тысячи лучших товарищей», «распродавал куски Сибири империалистам», «жег», «грабил» и «вешал».

Но даже при такой однобокости не выявились ответы на вопросы: что же помогло «собственным войскам» адмирала «поднять его на штыки» и почему «окончательное завоевание Октябрьской революции на территории Сибири» связывалось с взятием Красной армией всего лишь одного из ее городов? В связи с последним – не имел ли Иркутск гораздо более важного значения, чем просто город, где расстреляли Колчака?

Следовательно, при формировании новой концепции Гражданской войны в Сибири сборники документов, опубликованные Центрархивом и истпартовскими журналами, воспоминания активных участников борьбы с «колчаковщиной» должны бесспорно засчитываться в актив, но только в качестве выразителей позиции одной из сторон и с обязательной существенной поправкой в контексте проблематики.

Выявить инициативное начало для поправки особого труда не составляет. Сами историки 1920—1980-х годов наименовали его «демократической контрреволюцией» и, желая подчеркнуть его малозначительность по сравнению с серьезными проблемами (большевистское подполье, рабочее, крестьянское и партизанское движения), определили как «сюжет».

Источниковая база в изучении «демократической контрреволюции» в Сибири традиционно основывалась на попавших в поле зрения исследователей типографских изданиях узаконений и распоряжений Западно-Сибирского комиссариата, Временного Сибирского и Омского

¹⁶ Известия ВЦИК. 1920. 16 и 22 января.

¹⁷ Правда. 1920. 25 января.

правительств, декларациях и стенограммах съездов общественных и меньшевистских партийных организаций, газетах: эсеровских, меньшевистских, земских, кадетских, монархических и официальных, мемуарах представителей меньшевистских партий, «белого» и иностранного офицерства.

Результат анализа данных источников имел прежде, как правило, ярко выраженную партийно-публицистическую и популяризаторскую окраску, подменившую собой конкретно-исторический ход событий абстрактно-умозрительными схемами и положениями.

Даже в оценке классовой сущности «сибирской специфики» историки пришли к полярным выводам. «Там, где пролетариат был слаб, как, например, в Сибири и Поволжье, – писал Е.М. Ярославский¹⁸, – эсерам и кадетам удалось их (крестьян. – С. Д.) обмануть призраком Учредительного собрания, как раз там контрреволюции имели свои первые значительные успехи. Руководящую роль в пролетарской революции играл город, деревня шла за городом, пролетариат повел крестьянство»¹⁹.

В отличие от члена редколлегии «Правды» другой непосредственный участник событий в Сибири, Е.Е. Колосов²⁰, относил «спорадические и судорожные» «городские движения» за период 1918–1919 гг. на счет «провоцировавших» их «агентов власти». «Да и по составу участников эти городские движения являются, в сущности, полу-крестьянскими, т. к. они захватывали главным образом солдатскую массу, а не городских рабочих»²¹, – заключал он.

Во всех работах первых историков Гражданской войны в Сибири отчетливо прослеживалась мысль, что сибирские эсеры, меньшевики и кадеты играли роль застрельщиков Гражданской войны, в борьбе с советской властью шли на союз с интервентами и способствовали установлению военной диктатуры.

Общая деятельность Омского правительства освещалась сквозь призму «правдинских» газетных строк, поверхностно рассматривались вопросы о предпосылках окончательного этапа борьбы с режимом, а также о долгосрочных планах центральной советской власти в использовании «буржуазно-демократического» итога этой борьбы.

Вся методика исследований была созвучна ленинскому «Письму к рабочим и крестьянам по поводу победы над Колчаком», содержавшему пять уроков-заповедей, как избежать произвола реакции. Первые три говорили о необходимости поддержки Красной армии, о хлебной монополии, твердых ценах, соблюдении строжайшего революционного порядка. Четвертый и пятый были направлены против меньшевиков и эсеров – с советом не допускать с ними «единого фронта». Народовластие, «четырёххвостка» и свобода печати назывались «демократической ложью».

Заключительный аккорд письма – «на примере Колчака крестьяне научились не бояться пугала («диктатуры одной партии», «партии большевиков-коммунистов». – С. Д.), что сделало бесполезными поиски «междиктатурной середины», – не стыковался со словами того же автора, сказанными им спустя полгода: «Получается такое положение, что чем больше мы побеждаем, тем больше оказывалось таких областей, как Сибирь, Украина и Кубань. Там бога-

¹⁸ Ярославский Емельян Михайлович (Губельман Миней Израйлевич) (1878–1943) – советский партийный деятель (секретарь ЦК РКП(б), член ЦК, ЦКК и ЦПК при ЦК ВКП(б), историк (с 1939 г. – академик), публицист, член редколлегии газеты «Правда».

¹⁹ *Ярославский Ем.*. Три года диктатуры пролетариата РСФСР // Три года борьбы за диктатуру пролетариата (1917–1920): Сб. статей. Омск, 1920. С. 6.

²⁰ Колосов Евгений Евгеньевич (1879–1937) – в 1895 г. окончил Томское реальное училище, учился в Томском технологическом институте. Видный член партии социалистов-революционеров (ПСР) с 1898 г., с 1905 г. член ЦК ПСР. С лета 1918 г. до 1920 г. проживал в Красноярске, где служил в губернской земской управе. Один из лидеров земского Политического бюро. С начала 1920 г. подвергался неоднократным арестам советской властью. 7 марта 1937 г. расстрелян.

²¹ *Колосов Е.Е.* Сибирь при Колчаке. Пг., 1923. С. 6, 9.

тые крестьяне, там пролетариев нет, а если пролетариат и есть, то он развращен мелкобуржуазными привычками»²².

Для изучения окончательного этапа борьбы с режимом Омского правительства и предшествовавших ему событий неопределимое значение имеют архивные документы, которые охватывают по своей содержательной динамике и структуре определенный исторический период. «Следственное дело по обвинению Колчака Александра Васильевича и других» предоставляет уникальную возможность для восполнения многих пробелов. Во-первых, можно выявить причины смещения внимания центральной советской власти с «демократической лжи» на не боявшихся «пугала» сибирских крестьян и «мелкобуржуазных» пролетариев. Во-вторых – назвать главных инициаторов пересмотра ленинских пяти уроков по мере «освободительного» продвижения Красной армии в глубь Сибири.

Что же заставило центральную советскую власть всего за полгода пересмотреть ленинские уроки-заповеди? Окрепшие к концу 1919 г. сибирское земство, местное и городское самоуправления, нашедшие в союзном единении с «барчатами, интеллигентами, господчиками» альтернативную «середину» двум диктатурам: «правобольшевистской атамановщины» и пролетариата.

Объявляя грамотой от 16 сентября 1919 г. созыв Государственного земского совещания, которое «должно <...> помочь правительству в переходе от неизбежных суровых начал военного управления <...> к новым началам жизни мирной, основанной на бдительной охране законности и твердых гарантиях гражданских свобод и благ личных и имущественных»²³, Омское правительство (отметив борьбу двух принципов в управлении: делового, внепартийного и узкопартийного, социал-революционного) не учитывало широких общественных интересов.

Независимо от Всесибирского союза земств и городов (Сибземгора), облаканного грамотой Верховного правителя, с 11 по 22 октября 1919 г. в Иркутске состоялось совещание представителей Томского, Енисейского, Иркутского, Приморского, Якутского и Пермского губернских, областных и семи уездных земств, пришедшее к общему заключению:

«Правительство адмирала Колчака, как и правительство Ленина и Троцкого, явились в результате вооруженного захвата власти группой безответственных политических деятелей. И то и другое правительства оправдывали такой захват интересами своей страны, но если большевики открыто ставили своей целью создание диктатуры пролетариата как средства завоевания экономической и политической самостоятельности и трудящегося класса, то Омское правительство, прибегая к вооруженному захвату власти и говоря об интересах всех классов населения, стремилось в действительности лишь к защите интересов состоятельной части его.

И здесь и там захват власти привел к созданию диктатуры, несовместимой с принципами народовластия, и в силу этого и здесь и там велась и ведется железная борьба с широкими слоями трудового населения и органами народного представительства»²⁴.

Исходя из данной оценки, «земцы» выдвинули перед органами местного самоуправления следующие задачи: во-первых, объединение с демократическими организациями и партиями, стоящими на позициях защиты народовластия и созыва Земского собора, во-вторых, восстановление экономического благосостояния Сибири. Политику Омского правительства совещание охарактеризовало как «диктатуру правобольшевистской атамановщины», подавившей не только свободную деятельность демократических организаций, но и самостоятельность гражданской власти.

---

²² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 39. С. 151–159; Доклад Ленина В.И. на первом заседании IX съезда РКП(б) // Девятый съезд РКП(б). С. 26.

²³ Сибирская жизнь (Томск). 1920. 20 января.

²⁴ Народный голос (Красноярск). 1919. 28 (15) декабря.

Среди организационных решений, принятых на совещании, – созыв 2-го Всесибирского съезда земств и городов; кооптирование ряда деятелей (с совещательным голосом) в главком Сибземгора; перенесение Сибземгора в город Иркутск; организация в Иркутске Всесибирского банка земского и городского кредита. Наиболее важным являлся проект создания земско-краевых объединений.

«В целях согласования и объединения общественно-политической и хозяйственно-экономической деятельности земств и городов» намечались: Дальневосточное объединение – из земств Приморского, Амурского, Сахалинского и Камчатского; Средне-Сибирское – из Забайкальского, Иркутского, Якутского, Енисейского, Томского и Алтайского; Западно-Сибирское – из Акмолинского, Тобольского, Семипалатинского, Семиреченского, Тургайского и Пермского²⁵.

Таким образом, земства, местное и городское самоуправления, на которые по привычке смотрели как на органы исключительно «хозяйственно-прикладного порядка», курирующие улучшение и развитие народного образования, медицинского и санитарного дела, финансового положения, торговли, промышленности, сельского хозяйства, кредита, юридической помощи населению и т. п., приобрели общественно-политическое значение на законодательном уровне, способном регулировать государственно-территориальное строительство вне зависимости от двух диктатур.

Подобная самостоятельность первоначально вызвала растерянность среди местных социал-демократических и социал-революционных партий. «Выявленное совещанием Земское политическое бюро взяло на себя обязанность оформить земскую политическую мысль, начать подготовительные работы по перевороту, – отмечал председатель Иркутской губернской земской управы Я.Н. Ходукин²⁶. – Первыми шагами бюро было войти в переговоры с политическими партиями с[оциал]-р[еволюционеров] и с[оциал]-д[емократов].

Вначале эти попытки были неудачные: обе партии категорически заявили, что вооруженное выступление в данный момент – авантюра; что опираться в борьбе возможно только на демократические силы хорошо организованные, а их-то в данный-то момент и нет. Было одно у всех общее: необходимость переворота. Это связало нас, и при совместной работе по подготовке к перевороту все шероховатости сгладились»²⁷.

Остается открытым вопрос о способе «сглаживания шероховатостей». Е. Колосов говорил о «постепенном процессе», при котором «земское течение поглотилось новыми или, вернее, старыми политическими организациями, вновь почти открыто выступившими на арену политической жизни».

В отличие от него бывший комиссар Амурского правительства, секретарь Чрезвычайного государственного экономического совещания Омского правительства А.Н. Алексеевский²⁸ делал акцент не на «процесс», а на «политическую борьбу в Иркутском земском поли-

²⁵ Там же. 1919. 26 (13) декабря.

²⁶ Ходукин Яков Николаевич (1877–1937) – в 1899 г. окончил учительскую семинарию; член ПСР с 1902 г. В 1915 г. избран городским головой в Нижнеудинске; с января – председатель уездной земской управы, депутат Сибирской областной думы. С июля 1919 г. председатель Иркутской губернской земской управы. 13 января 1920 г. избран председателем Временного Совета Сибирского народного управления. С начала 1920-х гг. неоднократно подвергался арестам органами ВЧК-ОГПУ. Преподавал в Иркутском университете, Доме Красной армии. В 1937 г. репрессирован и расстрелян.

²⁷ Центральный архив ФСБ России (ЦА ФСБ России). Арх. № Н-501. Д. 7. Л. 65–65 об.

²⁸ Алексеевский Александр Николаевич (1878—?) – член ПСР; преподаватель семинарии; в 1905 г. один из организаторов «Союза амурских прогрессивных групп», куда входили представители от партий социал-демократов, эсеров и либералов. В Февральскую революцию – уполномоченный Временного правительства, выпустивший бумажные боны рублевого достоинства (так называемые алексеевские рубли. – С. Д.). В августе 1917 г. избран городским головой Благовещенской городской думы; член Хабаровского продовольственного комитета. В декабре по списку амурских эсеров избран в члены Учредительного собрания, по возвращении из Петрограда арестован. В сентябре – с образованием нового правительства Амурской области – избран его председателем. Тогда же в адрес приисковых организаций разослал телеграмму, где приказал все прииски возвратить прежним владельцам; в комитеты общественной безопасности запретил включать «лиц, скомпрометировавших

тическом бюро»²⁹. Стратегия же эсеров-меньшевиков на «поглощение» «земской политической мысли» была заложена еще в процессе выборов городских дум весной – летом 1919 г.

«Одна из грубых ошибок западного синдикализма и русского большевизма в том и заключалась, что они повели движение не через органы власти, а мимо них. Русский большевизм задушил думы, поставив в стороне от них, а стало быть, как выражается Маркс: «за спиной общества», Советы»³⁰, – заявлял с избирательных трибун социал-демократ М.М. Константинов³¹.

Последующая тактика эсеров-меньшевиков предоставляет возможность сформулировать первый вывод об организационных предпосылках становления окончательного этапа борьбы с реакционным режимом «правобольшевистской атамановщины».

Объединенные силы сибирской демократии, значительная часть которых к концу 1919 г. порвала связи с ЦК своих партий (первые перешли на позиции большевиков, вторые считали возможным, на ограниченных условиях, сотрудничество с центральной советской властью), «поглотив» «земскую политическую мысль», из разряда городского самоуправления перешли на более высокий земско-краевой уровень.

Следовательно, ответ на вопросы, возникающие в связи со статьей Стеклова «Конец колчаковщины», следует искать в земском общественном движении. Не случайно, квалифицируя появление земско-эсеров-меньшевистской оппозиции к Омскому правительству как «игру», а программу Политического центра – как «повторение задов, возвращение к уже пройденному этапу эсеровских правительств», первые историки Гражданской войны в Сибири старательно обходили стороной ноябрьские и декабрьские 1919 г. события в Иркутске. А ведь именно они послужили поводом для меткого высказывания члена Омского правительства Г.К. Гинса³²: «Эсеры, как кроты, взрывают почву, подготавливая ее для революционной вспашки, но сеять и пожинать им не суждено»³³.

Ответ на вопрос о причинах дальнейшей большевизации имеет также ключевое значение для понимания политической обстановки, не только приведшей к победе над «правобольшевистской атамановщиной», но и породившей последующую стратегию местных коммунистов: выдавливание основы альтернативного процесса трансформации института власти.

себя деятельностью в советских организациях». 9 октября 1918 г. приказом председателя «все возникшие за время советской власти: городские, волостные, станичные, поселковые Советы, земельные и продовольственные комитеты, комиссариаты и проч. органы» упразднены. В декабре 1919 г. председатель совещания земских и городских гласных в Иркутске. В работах Чрезвычайной следственной комиссии по делу Колчака фактический ее руководитель.

²⁹ Колосов Е.Е. Указ. соч. С. 28; ЦА ФСБ России. Арх. № Н-501. Д. 7. Л. 79.

³⁰ Трибуна (Иркутск). 1919. 18 мая.

³¹ Константинов Михаил Михайлович (1882–1938) – член РСДРП(м) с 1903 г. Участник революций 1905–1907 гг. За революционную деятельность в 1908 г. приговорен к каторжным работам, в 1914 г. – в ссылке в Якутской области. В Февральскую революцию один из руководителей меньшевистской организации в Иркутске, редактор газет «Голос социал-демократа» и «Единение». В 1918 г. инструктор кооперации в Забайкальском обществе потребителей и в Иркутской конторе Центросоюза. В 1919 г. председатель Иркутской городской думы. В 1920 г. член президиума и управляющий делами Иркутского губернского совнархоза. В 1924 г. перешел на работу управляющего юридической секцией Центрархива. Автор комментариев к книге «Допрос Колчака» (Л., 1925). С 1925 г. декан дальневосточного факультета Института им. Н.Н. Нариманова. Член Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев.

³² Гинс Георгий Константинович (1887–1971) – в 1909 г. окончил юридический факультет Петербургского университета. Работал при Министерстве юстиции, затем в Переселенческом управлении, занимаясь орошением в Туркестане. В 1929 г. в Париже защитил диссертацию «Водное право и предмет общего пользования». В 1916 г. работал приват-доцентом в Петроградском университете, в 1918 г. получил кафедру профессора гражданского права в Омском политехническом институте. В ноябре 1918 г. главноуправляющий делами Омского правительства, затем товарищ министра народного просвещения; председатель Государственного экономического совещания. В 1920–1938 гг. преподавал на русском юридическом факультете в Харбине, служил при управлении КВЖД, вел адвокатскую практику, написал ряд работ по проблемам Китая и Японии. В 1941 г. переехал в США, где редактировал газету «Русская жизнь» (Сан-Франциско). В 1945–1954 гг. преподавал в Калифорнийском университете, в 1955–1964 гг. работал в «Голосе Америки». Публиковался в журналах «Посев», «Мысль» и «Наши дни».

³³ Алишев А. Очерки истории гражданской войны (1917–1920 гг.). Л., 1925. С. 133, 222; Гинс Г.К. Крушение колчаковщины // Гражданская война в Сибири и Северной области: Сб. док. М.; Л., 1927. С. 218.

О сорвавшейся альтернативе рассказывал Алексеевский, когда давал показания о декабрьских переговорах с делегацией Совета министров Верховного правителя в декабре 1919 г.: «Совет министров должен был далее передать всю полноту государственной власти на территории Сибири, не занятой большевиками, или Политическому центру, или Иркутской губернской земской управе как государственному установлению, которой по закону первого Временного правительства принадлежит не только руководство хозяйственной жизнью губернии, но и управление ею; земство должно было в дальнейшем образовать государственную власть»³⁴.

Не признать очевидности закрепления земств, местных и городских самоуправлений за социалистической сибирской демократией центральная советская власть не могла. Доказательством тому служит газетная публикация «Известий ВЦИК» от 14 января 1920 г., где начало свержения «колчаковщины» относилось ко времени союза эсеров с «мятежным» генералом Р. Гайдой.

Однако при этом умалчивалось об участии Дальневосточного комитета РКП(б) в Гайдовском восстании 17–18 ноября 1919 г., получившем негативную оценку иркутских «земцев». «Искать опору в военной силе, не связанной с демократией, для органов местного самоуправления невозможно, т. к. привело бы к тем же результатам, что и совместное выступление с силами, чуждыми демократии, против большевизма, когда вместо демократического строя Сибирь получила диктатуру Колчака»³⁵, – отмечалось в резолюции земского совещания.

Материалы «Следственного дела по обвинению Колчака Александра Васильевича и других» позволяют сделать второй вывод об организующем начале свержения «правобольшевистской атамановщины». Компромиссное соглашение местных иркутских коммунистов с земско-эсерово-меньшевистской оппозицией было тактическим ходом, рассчитанным на последующую подмену «бело-зеленых» лозунгов «красными» при помощи Красной армии.

Так же как и Омское правительство, издавшее 8 ноября 1919 г. указ о выборах Государственного земского совещания, это объединение не могло не признать необходимости создания органа предпарламентского типа в условиях отсутствия регулярных частей Красной армии и поэтому согласилось присутствовать на завязавшихся в Иркутске переговорах между земским политическим бюро, краевыми организациями социал-демократов и социалистов-революционеров, увенчавшихся созданием Политического центра.

При этом выдвинутые в ноябрьской декларации Политцентра задачи («1. Прекращение состояния войны с советской Россией, 2. Борьба с внутренней реакцией, нашедшей свое наиболее яркое выражение в «атамановщине» и поддерживаемой империалистической Японией, 3. Установление договорных отношений с революционными государствами в целях совместной самозащиты от мировой реакции») базировались на признании местной власти формой совместного правления³⁶.

Декабрьские восстания 1919 г. в Черемхове и Глазкове первые историки советской России приписывали исключительно заслугам Сибирского областного и Иркутского губернского подпольных комитетов РКП(б) и революционного военного штаба, обязательно отмечая, что второй их «соучастник», Политцентр, связывал свержение «колчаковщины» и будущее земско-краевых объединений с недопущением побед местных коммунистов. Но если вспомнить о первом пункте декларации центра, то становится понятной возникшая впоследствии причина разногласий между инициаторами восстаний: форма реализации власти – во-первых и дальнейшее государственное строительство – во-вторых.

³⁴ ЦА ФСБ России. Арх. № Н-501. Д. 7. Л. 79; Подгорный ИД О Сибирском земстве. Иркутск, 1918; Сборник законоположений о земстве в Сибири. Томск, 1919.

³⁵ Народный голос (Красноярск). 1919. 31 (18) декабря.

³⁶ ЦА ФСБ России. Арх. № Н-501. Д. 7. Л. 76 об.

В связи с последним большое значение приобретают свидетельские показания, хранящиеся в составе «Следственного дела по обвинению Колчака Александра Васильевича и других» (восстанавливающие поэтапный ход декабрьских событий), товарища иркутского городского головы А.Я. Гончарова³⁷ и председателя Иркутской земской губернской управы Ходукина. Они подтверждают основной вывод «Известий ВЦИК» – лидирующая «морально-политическая» роль в восстании принадлежала не местным коммунистам (присоединившимся к формированию рабочих дружин 28 декабря), а краевым организациям эсеров-меньшевиков в союзе с городским самоуправлением.

«Переворот в декабре подготовлялся в течение нескольких месяцев, – отмечал Гончаров. – Главными его организаторами были краевые комитеты партий с[оциал]-д[емократов] и с[оциалистов]-р[еволюционеров], последние вели агитацию в войсках и рабочей среде. Видную роль в организации общественного мнения против колчаковского правительства сыграла Иркутская городская дума, которая своим постановлением от 25 ноября 1919 г. поставила все точки над «и», выразив недоверие власти Колчака, бандита, как его называли ораторы, выступавшие на этом заседании»³⁸.

Аналогичную точку зрения высказывал участник «земского политического движения» (по оценке Е. Колосова – «центра, около которого группировались представители анти-колчаковских организаций и течений»). «В целях координирования действий решено было организовать «Политический центр», в составе представителей: партий с[оциалистов]-р[еволюционеров] и с[оциал]-д[емократов], трудового объединения крестьянства и земского политического] бюро, – писал Ходукин. – Была попытка привлечь к работе тт. коммунистов, но они, узнав, что в составе центра имеются земцы (яркие реакционеры, по их мнению), войти отказались. Как вел подготовительную работу центр, известно: работа велась среди войск, рабочих, трудовой интеллигенции; завязаны были сношения с западом и востоком; в самой армии Колчака находились наши агенты из солдат и командного состава. Одновременно велись переговоры с чехами на предмет установления дружественного нейтралитета. Работа дала хорошие результаты – переворот был совершен»³⁹.

Наиболее сложным вопросом в изучении декабрьских событий является позиция местных коммунистов. Прерывая в конце ноября 1919 г. переговоры с Политическим центром под предлогом необходимости согласования действий с Красной армией, а также отсутствия вооруженных сил у центра, они создали впечатление о сильно развитом «красном» партизанском движении, захватившем всю территорию вдоль Транссибирской магистрали, и достаточной вооруженности Иркутского губкома РКП(б).

Подтверждением необоснованности этого впечатления являются другие высказывания коммунистов. Во-первых, признание политического положения в Сибири, при котором «к августу 1918 г. советская власть уже не существовала в Сибири», повторится в 1920 г., когда будет подчеркиваться «особая нужда» в «опытных рабочих, которые могли бы встать во главе учреждений. Из России их приехало всего несколько десятков. Местных также было чрезвычайно мало».

Во-вторых, при оценке уровня политической активности руководителей деревенских бунтов, для которых «большевизм представлял собой стихийный и бессознательный протест против всяких норм неравенства, а вовсе не непременно против неравенства экономического».

³⁷ Гончаров Александр Яковлевич – инженер-технолог; в 1919 г. заведующий отделением народного образования Иркутской губернской земской управы. Председатель губернского комитета по народному образованию; товарищ городского головы Иркутска. В 1920 г. назначен управляющим министерством народного образования Политического центра; член Временного Совета Сибирского народного управления.

³⁸ ЦА ФСБ России. Арх. № Н-501. Д. 7. Л. 73.

³⁹ Колосов Е.Е. Указ. соч. С. 27; ЦА ФСБ России. Арх. № Н-501. Д. 7. Л. 65–65 об.

Вследствие этого становится очевидным, что социальная психология зажиточных крестьян-староселов, «живших патриархальным укладом, очень религиозных и в высшей степени преданных идее царской власти, а с нею и властям законным», в хлебных районах Алтайской, Семипалатинской губерний, Тасеевском районе Енисейской губернии и Минусинском крае как признанная «основа» партизанского движения ничего общего с лозунгом диктатуры пролетариата не имела⁴⁰.

В подтверждение данного вывода сошлемся на монографию Ю.В. Журова, который отмечает: «16 октября 1919 г. в г. Минусинске собрался VI Армейский съезд, в котором приняли участие представители объединенного и городского Советов. Этот съезд принял ряд важных решений, в том числе рассмотрел и «Декларацию съезда представителей крестьянской армии», в которой отрицается необходимость введения диктатуры пролетариата, так как, по мнению авторов «декларации», Сибирь до этого еще не созрела.

Эта часть декларации опирается на ее последующее положение, которое содержит прямой призыв предать забвению «партийные разногласия и создать единый социалистический фронт»... Содержание «декларации» свидетельствует о сложном переплетении в политической платформе южно-енисейских партизан задач революционно-демократического и социалистического характера с явным преобладанием первых»⁴¹.

Кроме того, прежде чем определять «цвет» повстанцев и партизан (поднявших в конце 1919 г. оружие против «правобольшевистской атамановщины»), следует выявить их общий «знаменатель». «Лабораторией», где осуществилось «знакомство» большевиков с эсера-меньшевиками, было земское движение. Избранные на основе всеобщего избирательного права, посредством выборных исполнительных органов, земства прочно укрепились и предоставили удобную почву для консолидации сил антиомских общественных настроений, в том числе и партизанских отрядов.

При этом общее стремление руководителей партизанских отрядов облекалось в прозрачную форму, выразившуюся в неопределенном призыве к совместным действиям с частями армии Омского правительства. «Красные уже разбрасывают прокламации, призывающие наших солдат окончить войну, перебив своих офицеров и выдав красным адмирала Колчака. В свою очередь, обещая перебить своих комиссаров и выдать нашим солдатам Ленина и Троцкого»⁴², – докладывал командующий конной группой войск генерала Волкова.

В связи с «бесцветностью» повстанческих и партизанских отрядов уместно попытаться разобраться с численным составом иркутской подпольной организации партии большевиков на примере ее основной базы формирования – огородов Забайкальской железной дороги. Как известно, к декабрю 1919 г. организация понесла большие потери после ареста 2 октября 1919 г. областного комитета, избранного III подпольной Общесибирской конференцией, и провала омской организации.

Один из руководителей иркутской подпольной организации Н.Г. Герасимов вспоминал: «В Иркутске я поступил рабочим на постройку кирпичного завода на Петрушиной горе. На постройке я организовал ячейку из машиниста, сотрудника конторы Моисеева, своего брата Владимира и одного рабочего, фамилии которого не помню. Через некоторое время мне пришлось перебраться в Рабочую слободу на огороды Забайкальской жел[езной] дор[оги]. На огородах мне удалось организовать активную группу из товарищей Бельчинского, Викторова, Марченко, столяра латыша Эдуарда, кузнеца, еще одного рабочего, фамилии коего не помню.

⁴⁰ *Молотов К.* К истории р.к.п. в Сибири. Август – декабрь 18 года // Три года борьбы за диктатуру пролетариата. С. 159; *Косарев Вл.* Путь к Советам // Там же. С. 91–92; *Колосов Е.Е.* Указ. соч. С. 27; *Сахаров К.В.* Белая Сибирь // Гражданская война в Сибири и Северной области: Сб. док. С. 83.

⁴¹ *Журов Ю.В.* Енисейское крестьянство в годы Гражданской войны. Красноярск, 1971. С. 189, 194.

⁴² Цит. по: *Сахаров К.В.* Указ. соч. С. 83.

Ячейка была крепко сколочена и послужила ядром для всех рабочих огородов при восстании и взятии Иркутска»⁴³.

Воспоминания Герасимова помогают понять важное обстоятельство – накануне декабрьских 1919 г. событий наличный состав местных большевиков ограничивался заметно поредевшей (фамилия последнего всегда забывалась) малочисленной кучкой, державшейся «на плаву» за счет приближения частей Красной армии. Можно предположить, что они так бы и сидели в глубоком подполье, если бы не испугались «остаться не у дел» вследствие отрыва Политическим центром части рабочих и солдат от местного комитета РКП(б). К тому же Политцентр получил гарантии для проведения в жизнь планов, изложенных 6 января 1920 г. в его манифесте.

В задачи Политцентра входили: 1) созыв Временного Совета Сибирского народного управления (ВССНУ); 2) передача местной власти земским и городским самоуправлениям; 3) ведение переговоров с центральной советской властью о перемирии при сохранении народных самоуправлений; 4) передача продовольственного дела кооперативным организациям; 5) мирная политика с иностранными державами.

В своих опасениях местные коммунисты не ошиблись – в состав ВССНУ были избраны представители Политцентра, земства, городского самоуправления, кооперации, объединения трудового крестьянства, ЦИК Совета профсоюзов (представители получили наказ «в интересах осуществления диктатуры пролетариата, наблюдать за осуществлением мира с советской Россией и активностью борьбы с восточной реакцией»). Представители от рабочих организаций избраны не были⁴⁴.

Потугам кучки местных коммунистов соответствовало и ее участие в боевых действиях за Иркутск, описанное председателем военно-революционного комитета (ВРК) А.А. Ширямовым⁴⁵. «Одновременно шло накопление наших вооруженных сил, – писал он спустя несколько лет после событий. – Фактически с первого же дня вступления в городе образовались два центра и две власти. Один – это Политцентр со штабом нар. – рев. армии, и другой – комитет нашей партии со штабом раб[оче]-крестьянских дружин...

В сущности с первого же дня после занятия города и широковещательного манифеста Политцентра началось и его разложение. Вступить в него мы отказались, но представителя комитета послали с мандатом «присутствовать на заседаниях с информационной целью». Эта «информационная цель» особенно нервно настраивала членов Политцентра. Они заявляли нам: «Вы должны оказывать нам поддержку. А если не хотите – берите власть в свои руки»; но брать власть комитет считал еще преждевременным.

Наша позиция метко схвачена одним из колчаковских министров в одной из книг, вышедших в Харбине... «...В то время как 5-го января Политический центр рассылал своих комиссаров по правительственным учреждениям, рабочие-коммунисты прислали свои телеги к зданию гостиницы «Модерн» и увезли оружие, разбросанное уходившими с фронта солдатами. Это было практичнее. Они организовали силу, в то время как эсеры ее теряли»⁴⁶.

⁴³ Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 7486. Оп. 504А. Д. 18924. Л. 7.

⁴⁴ Земская народная газета (Иркутск). 1920. 11 января; Бюллетень информационного бюро Политического центра (Иркутск). 1920. 10 и 13 января.

⁴⁵ Ширямов Александр Александрович (1883–1955) – родился в семье торговца. С 1900 г. вступил в РСДРП(б). Член комитетов РСДРП(б) в Иркутске, Омске, Кургане. За революционную деятельность неоднократно ссылался. После Февральской революции избран председателем Совета рабочих депутатов на Арбагарских каменноугольных копях. В октябре 1919 г. избран председателем комитета Сибирской партийной организации РКП(б). 6 февраля 1920 г. подписал приказ о расстреле адмирала А.В. Колчака. В 1920-х гг. член Дальбюро РКП(б) и военного совета народно-революционной армии; исполнял обязанности председателя Омского губкома, член Сиббюро ЦК РКП(б). С 1923 г. член редколлегии журнала «Коммунистическое просвещение». С 1932 г. на научной работе в Центральном НИИ педагогики. В 1937–1941 гг. директор НИИ краеведения, редактор журнала «Советское краеведение». Персональный пенсионер.

⁴⁶ Ширямов А.А. Иркутское восстание и расстрел Колчака // *Знаменская Р.А.*. Хрестоматия по истории Сибири. Иркутск, 1930. С. 259–260.

Следовательно, процесс накопления вооруженных сил иркутскими большевиками был прямо связан с победами Политцентра. Следует обратить внимание на заметную разницу в распределении Ширямовым «ролей» между ними. Это позволяет утверждать, что помимо «морально-политической» роли земско-эсеров-меньшевистской оппозиции к режиму Омского правительства принадлежало также осуществление военных операций в декабрьских событиях 1919 г. и январских 1920 г. Участие же Сибирского и Иркутского губернских подпольных комитетов РКП(б), а равно их «руководство» «красным» партизанским движением носило чисто декларативный характер.

Реализация «укрепления тыловой части советской России» сводилась иркутскими большевиками к элементарной дезорганизации народно-революционной армии. Свидетель событий Г.К. Гинс писал: «Начиналось с разложения регулярных войск путем заманчивого обещания мира; затем происходило выступление, во время и после которого к солдатам присоединялись рабочие, военнопленные, красноармейцы, и к ним переходила руководящая роль»⁴⁷.

Из общего перечня причин поражения «демократической контрреволюции» выпадал не менее значимый процесс, обойденный вниманием мемуаристов и исследователей, – отторжение широкими слоями населения в конце 1919 г. предлагавшегося сибирскими кадетами «рационального» способа передачи власти земскому сибирскому собранию. При этом необходима персонифицированная корректировка анализа действий кадетов, направленных на сближение с земством и городским самоуправлением. Материалы «Следственного дела по обвинению Колчака Александра Васильевича и других» содержат достаточно информации для проведения подобного исследования.

Назначенный на пост председателя Совета министров Омского правительства В.Н. Пепеляев, проигнорировав сторонников «Совета объединения несоциалистических общественных деятелей земской и городской России» (высказывавшихся против компромиссов и соглашений в «угоду социалистическим партиям» и обладавших достаточным влиянием на земство вплоть до середины декабря 1919 г., когда в Иркутске было созвано совещание всех земских деятелей, которые «как будто хотели обособиться от сторонников соглашения с большевиками»⁴⁸), пытался заручиться поддержкой у «земствовавших» эсеров и меньшевиков.

Оговорив условиями свое назначение («восстановление дружбы с чехами, подчинение военной власти власти гражданской, расширение прав местных самоуправлений, расширение прав земского совещания и его немедленный созыв»), он получил от Верховного правителя задание организовать новый кабинет министров. Для чего пригласил на переговоры представителя губернской земской управы Ходукина и эсера Колосова.

«Е.Е. Колосов и я подвергли жесточайшей критике политику правительства вообще, в частности – министра внутренних дел Пепеляева, – отмечал Ходукин, – и заявили в заключении: «Для нас Ваша программа неприемлема; мы идем своей дорогой и не остановимся ни перед чем: даже перед вооруженным восстанием. В намеченном Вами кабинете особенно для нас неприемлема фигура б[ывшего] министра внутренних дел Пепеляева, а теперешнего премьера – тем более». Пепеляев на это ответил: «Вы, гг., более чем откровенны». На этом беседа закончилась»⁴⁹.

И в дальнейшем эсеров-меньшевистская оппозиция всеми силами старалась помешать установлению контактов кадетов с земством. Довольно успешно начатые переговоры временно исполнявшего обязанности зампреда Совета министров А.А. Червен-Водали⁵⁰ в Иркут-

⁴⁷ Гинс Г.К. Указ. соч. С. 215.

⁴⁸ Там же. С. 190; Мельгунов С.П. Трагедия адмирала Колчака. Белград. Т. 1. Ч. 3. С. 285–286.

⁴⁹ ЦА ФСБ России. Арх. № Н-501. Д. 7. Л. 65 об. – 66.

⁵⁰ Червен-Водали Александр Александрович (1873–1920) – в 1900 г. окончил Петербургский университет. В 1902 г. переехал в Тверь, где занимался общественной деятельностью; гласный городской думы. В годы Первой мировой войны – председатель Тверского комитета Союза городов, военно-промышленного комитета; член комитета Союза городов в Москве. В

ске в декабре 1919 г., в отсутствие Пепеляева и его заместителя С.Н. Третьякова⁵¹, столкнулись со стеной межблоковых договорных отношений, где превалировало «заигрывание» с большевиками.

«С Червен-Водали мне приходилось часто встречаться по делам городского самоуправления, как городскому голове, когда он исполнял обязанности министра внутренних дел в колчаковском правительстве, – рассказывал П.В. Зицерман⁵². – Но первые мои встречи с ним произошли, когда он еще не был министром. По приезде в Иркутск из Омска в ноябре минувшего года (1919. — С. Д.) Червен-Водали вместе с П.А. Бурьшским⁵³ (сменившим И. Михайлова⁵⁴ на посту министра финансов. — С. Д.) заш[ли] в гор[одскую] управу, чтоб познакомиться со мной <...>

Оба они политическое и экономическое положение Сибири находили критическим и виновником такого положения страны считали Колчака и его Омское правительство. Дав убийственную оценку колчаковско[му] правительств[у], Червен-Водали сказал, что единственным средством исправить положение он считает уход всего правительства в отставку и образование нового, пользующегося доверием общественных кругов. Такое правительство могло бы быть образовано, по его мнению, из представителей буржуазии, причем во главе этого правительства ему хотелось видеть какого-нибудь популярного для всей России общественного работника, например, Третьякова (к кандидатуре Пепеляева в качестве председателя Совета министров он относился отрицательно).

Это новое правительство должно было бы, не теряя времени, декларировать гражданские свободы, снятие цензуры с печати, объявить созыв Земского совещания или даже Земск[ого] собора с законодат[ельными] функциями и подчинить военную власть вне пределов фронта

1917 г. – член Московской городской управы и комиссар по делам благотворительности. В 1918 г. выехал к А.И. Деникину для участия в Особом совещании. С февраля 1919 г. работал в составе правительства Колчака: товарищ министра внутренних дел, зампредела Совета министров. 4 января 1920 г. добровольно сдался Политическому центру. Член партии Народной свободы. Подробно см.: Дроков С.В. Червен-Водали Александр Александрович // История «белой» Сибири в лицах: Биографический справочник. СПб., 1996. С. 58–60.

⁵¹ Третьяков Сергей Николаевич (1882–1943) – в 1901–1905 гг. учился в МГУ. Предприниматель льняной отрасли России, с 1910 г. председатель Всероссийского общества льнопромышленников, с 1912 г. старейшина Московского биржевого комитета. С 1912 г. член ЦК партии прогрессистов. С 1915 г. товарищ председателя Московского военно-промышленного комитета. В Февральскую революцию товарищ председателя Всероссийского союза торговли и промышленности; гласный Московской городской думы; в сентябре председатель Экономического совета и Главного экономического комитета Временного правительства. С ноября 1919 г. заместитель председателя Совета министров правительства Колчака. В 1920 г. один из организаторов Российского торгово-промышленного и финансового союза в Париже. Избран председателем комитета помощи голодающим России. С 1937 г. сотрудничал с советской разведкой.

⁵² Зицерман Павел Васильевич (1883?–?) – в середине 1918 г. работал товарищем прокурора Иркутского окружного суда; с августа 1918 г. по январь 1920 г. городской голова Иркутска; председатель городской думы. В 1930 г. преподавал в Иркутском финансово-экономическом институте. В 1938 г. репрессирован, в 1958 г. реабилитирован.

⁵³ Бурьшский Павел Афанасьевич (1887–1955) – в 1909 г. окончил юридический факультет МГУ, в 1913 г. – Московский коммерческий институт. С 1912 г. член совета съездов представителей промышленности и торговли; в 1915 г. избран старшиной Московского биржевого общества, гласным Московской городской думы. С 1912 г. член ЦК партии прогрессистов. В Февральскую революцию один из организаторов Всероссийского торгово-промышленного союза; товарищ московского городского головы; член Временного Совета Российской республики. В Октябрьский переворот один из организаторов Комитета общественного спасения. В 1918 г. участвовал в деятельности Правого центра и Национального центра. В ноябре 1919 г. назначен министром финансов правительства Колчака. В 1920 г. эмигрировал. Автор воспоминаний.

⁵⁴ Михайлов Иван Андрианович (1890–1946) – родился в Карийской каторжной тюрьме. Окончил юридический факультет Петербургского университета, где был оставлен для подготовки к профессорскому званию по кафедре политэкономии. С образованием экономического отдела Всероссийского земского союза заведовал Петроградским отделением. После Февральской революции состоял на службе в министерствах земледелия, продовольствия и финансов; управделами Экономического совета при Временном правительстве Керенского. С декабря 1917 г. товарищ председателя Петроградского союза сибиряков-областников. В 1918 г. министр финансов Омского правительства Колчака, в августе 1919 г. отстранен от должности; уехал в Харбин, где до октября 1924 г. работал на КВЖД. До 1945 г. работал советником по русским делам японских спецслужб в Маньчжурии. 26 августа 1946 г. в Москве состоялся суд над группой бывших эмигрантов. Вместе с атаманом Семейным и главой «Российского фашистского союза» К. Родзаевским на скамье подсудимых оказался и Михайлов. 30 августа И.А. Михайлова – «Ваньку-Каина» расстреляли.

высшей гражданской власти. Новое правительство Червен-Водали представлял себе как общесибирское, а не как российское.

Развив предложенные положения, Червен-Водали обратился ко мне и моим товарищам с вопросом: приемлемы ли такие предложения для городского самоуправления и земства? Я и тов[арищ] Гончаров ответили ему, что мнение гор[одской] думы и земства по этим вопросам нам еще точно не известно, но мы предполагаем, что они не будут приемлемы, т. к. и дума и земство потребуют ухода Колчака, образования однородного социал[истического] министерства и немедленного заключения мира с большевиками [...] уже после перехода гарнизона военного городка и станции Иннокентьевской на сторону повстанцев [...] Червен-Водали, приняв нас, сказал, что события последних дней, особенно переход власти в Красноярске к Комитету обществ[енных] организаций, убедил его в невозможности дальнейшего существования колчаковского правительства, что оно должно передать власть земству»⁵⁵.

Согласившись в декабре 1919 г. на переговоры с Политическим центром, по приглашению земства и городского самоуправления (прямым поводом послужил разговор А.А. Червен-Водали с членом земской управы Пашковым⁵⁶, который «заявил о желательности таких переговоров и их возможности»), кадеты в лице Червен-Водали предложили следующие пункты соглашения по передаче власти:

«1) Снятие с существующей власти значения Всероссийской, 2) В связи с этим, сложение адмиралом Колчаком с себя власти Верховного правителя и передача ее Деникину, 3) Временное признание Совета министров лишь сибирской властью с условием передачи им власти представительному органу земства и городов, 4) До этой передачи или сотрудничества с земством или временное принятие власти Иркутским земством и городом, с обязательством скорейшего созыва Земского собора в том и другом случае»⁵⁷.

Как видно, в главном предложенное соглашение солидаризировалось с заявлением самого Политического центра, который решительно отвергал всякие претензии на Всероссийское правительство, поскольку они вели бы к углублению Гражданской войны в Сибири и иностранному вмешательству, а как первоочередную задачу выдвигал создание местной власти в форме земско-краевого объединения. Но центр самонадеянно недооценил угрозы со стороны большевиков, занявших выжидательную позицию стороннего наблюдателя, чего нельзя было сказать о «правлящих» кадетях.

Причиной срыва последующей 26 декабря 1919 г. встречи А.А. Червен-Водали, военного министра М.В. Ханжина⁵⁸ и товарища министра путей сообщения А.Н. Ларионова⁵⁹ с представителями Политического центра следует считать не боязнь Червен-Водали «попасть [...] в положение провокатора», спровоцированное вооруженным сопротивлением частей города,

⁵⁵ ЦА ФСБ России. Арх. № Н-501. Д. 7. Л. 71–72.

⁵⁶ Пашков – член земской управы; общественно-политический деятель Восточной Сибири.

⁵⁷ ЦА ФСБ России. Арх. № Н-501. Д. 7. Л. 19 об.

⁵⁸ Ханжин Михаил Васильевич (1871–1961) – в 1889 г. окончил Михайловскую артиллерийскую академию; произведен в капитаны. Участник Русско-японской войны; за отличия в боях произведен в полковники. В 1910 г. произведен в генерал-майоры. Участник Первой мировой войны: командир 19-й артиллерийской бригады, начальник 12-й пехотной дивизии, полевой инспектор при штабе Верховного главнокомандующего. Октябрьский переворот не принял. В 1918 г. сформировал Уральский корпус. В 1919 г. назначен командующим Западной армией; председателем Георгиевского комитета. Произведен в чин генерала от артиллерии. 6 октября назначен военным министром правительства Колчака. В 1920 г. эмигрировал в Китай, где заведовал Дальневосточным отделом Русского общевоинского совета. В 1945 г. арестован советскими войсками в Дайрене. Репрессирован; амнистирован в 1954 г.

⁵⁹ Ларионов Алексей Николаевич (1872–1920) – инженер путей сообщения; в 1905 г. избирался председателем Совета первого делегатского съезда Владикавказской ж. д., в 1917 г. – съезда Совета рабочих и служащих. Автор опубликованных работ по сравнительному анализу эксплуатации железных дорог. С августа 1918 г. – управляющий Алтайской ж. д., директор технико-хозяйственного отдела; член правления КВЖД. В августе 1919 г. – председатель съезда железнодорожников; с 4 ноября 1918 г. – товарищ министра путей сообщения Временного Сибирского и правительства Колчака. Инициатор создания агентства «Путиметалл» по снабжению ж. д. Сибири. 23 июня 1920 г. расстрелян в Омске.

перешедших под прямое руководство Г.М. Семенова (назначенного в обход мнения Совета министров главнокомандующим войсками Иркутской губернии и Востока), а понимание им бесполезности такой встречи: «По сведениям Совета (министров. – С. Д.) власть в Черемхове и других местах перешла в руки большевиков и что, таким образом, при посредстве земства и города мы передали бы власть большевикам, что совершенно не соответствовало бы нашим желаниям».

С этого момента переговоры были расценены обеими сторонами как окончательные. Итак, «правлящие» кадеты, учитывавшие черемховскую метаморфозу, оказались дальновиднее в преследовании главной цели того же Политического центра:

«Совет министров, решив опереться на военные силы Семенова и местные и ведя через Третьякова переговоры поддержки со стороны Семенова военными силами, отнюдь не имел в виду сохранить свою власть во Всероссийском масштабе и в существующей конструкции, а имел в виду лишь сделать возможным осуществление своего предложения о созыве Земского собора с законодательными функциями для образования сибирской власти, с упразднением Совета министров и с отказом Верховного правителя от его прав и полномочий»⁶⁰.

Что же заставило Политический центр при посредничестве союзников, в условиях разложения правительственных войск (с переходом их частей на сторону повстанцев) согласиться вернуться к столу переговоров с Советом министров, который не в состоянии был контролировать внутренние городские военные части, арестовавшие в ночь с 24 на 25 декабря 1919 г. около 60 человек (из которых 31 будут забиты колотушками по голове и спущены под винт парохода на Байкале сычевскими⁶¹ бандитами)?

«Учитывая необходимость нейтрализации японских сил, которую сугубо важно обеспечить, и рассчитывая дипломатическим путем добиться международного вынуждения Японии соблюдать политику невмешательства в вооруженную борьбу за обладание Иркутском»⁶², – витиевато настаивал И.И. Ахматов⁶³. Однако согласиться с подобным объяснением означало бы принять упрощенный взгляд на политическую ситуацию.

Решающим стремлением Политического центра к возобновлению переговоров с кадетами являлось желание упредить повторение иркутского «недоворота» в Черемхове, где эсеровский «сценарий» был переписан местным комитетом РКП(б) во главе с Е. Бердниковой, поддержанной шахтерами, промышленными в 1-м Иркутском кавалерийском дивизионе анархистов Н.А. Каландаришвили⁶⁴.

⁶⁰ ЦА ФСБ России. Арх. № Н-501. Д. 7. Л. 20, 23.

⁶¹ Сычев Ефим Георгиевич (1879–1945?) – генерал, командующий военными силами Иркутска. В 1920 г. с подчиненными силами отступил в Китай, где в Сахалине создал Амурскую военную организацию. В 1921 г. представлял Донское, Кубанское, Терское и Астраханское казацкие войска в инициативной группе В.Л. Бурцева по созыву съезда Национального объединения при Бюро Временного русского комитета Национального объединения. В 1922 г. получил в китайском банке 16 тыс. золотых рублей для обмундирования и снаряжения Амурской военной организации. На конец 1922 г. организация генерала Сычева дислоцировалась в районе сел Екатерино-Никольского, Пояркова и Син-Дун. Автор воспоминаний «Восстание в Иркутске (23 декабря 1919 – 5 января 1920)».

⁶² См.: Стенографический отчет переговоров о сдаче власти Омским правительством Политическому центру в присутствии высоких комиссаров и высшего командования союзных держав, г. Иркутск (станция), январь 1920 г. Харбин, 1921; ЦА ФСБ России. Арх. № Н-501. Д. 7. Л. 77.

⁶³ Ахматов Иван Иванович (1886–1939) – в 1902–1910 гг. член РСДРП(б), в 1910–1922 гг. член РСДРП(м), в 1925–1930 гг. член ВКП(б). Окончил факультет общественных наук Женевского университета. Журналист; в 1906–1917 гг. корректор и редактор газеты в Туле. В 1920–1923 гг. редактор газеты «Наш голос» в Чите. В 1918 г. командирован ЦК меньшевиков на Дальний Восток для создания организации. В 1919 г. создал Дальцентр РСДРП(м), в 1919–1923 гг. его председатель. В 1920 г. товарищ председателя Политического центра, 5 января возглавил комиссию по приемке дел МИДа Омского правительства. В 1923 г. по уголовному процессу выслан из Дальнего Востока. В 1923–1924 гг. инструктор-контролер Симферопольской опытной станции. В 1929–1930 гг. председатель Средазбюро ЦК профсоюзов сельскохозяйственных и лесных рабочих. В 1934–1935 гг. работал научным сотрудником в Международном аграрном институте. До ареста в 1938 г. – организатор массовых форм технической учебы на 2-м Московском авторемонтном заводе. Репрессирован и расстрелян. В 1958 г. уголовное дело прекращено за отсутствием состава преступления.

⁶⁴ Каландаришвили Нестор Александрович (1876–1922) – родился в Кутаисской губ. в семье дворянина. Окончил Кутаис-

Однако прийти 4 января 1920 г. к соглашению, по которому Совет министров намеревался передать свои полномочия Сибирскому народному собранию (по его созыву) в лице Политического центра, помешал отряд генерала Сычева, попытавшийся вывезти из Иркутска золотой запас. Объявленный делегацией Политцентра перерыв превратился в отсрочку ареста «правлящих» кадетов-цензовиков, а его сообщение о падении «реакционного режима Колчака» не было закреплено каким-либо официальным и юридически оформленным двусторонним актом.

Стремление местных большевиков скорректировать «недоворот» в Иркутске с первых дней провозглашения власти Политическим центром отмечали не только его руководители. «Если командующий народно-революционной армией капитан Калашников⁶⁵ в первые три дня был свободен в своих действиях, то на четвертый – рядом с ним уже сидел комиссар-солдат, без которого никто не мог быть принят командующим и не могло состояться ни одно решение»⁶⁶, – свидетельствовал Гинс.

Поэтому одновременно с разъяснительной работой по поводу заинтересованности разделенного на две части пролетариата Сибири («одна здесь, по эту сторону семеновского фронта, а другая там, в царстве Семенова») в конструировании демократической власти 11 января 1920 г. руководство центра выслало мирную делегацию навстречу Красной армии, хотя аргументов у сторонников неопременного воплощения в жизнь советской власти было недостаточно. Возможно, одной из важных причин такого решения стала реальная опасность союзнического вмешательства (особенно японского).

Перед делегацией была поставлена задача – договориться через Сибревком и командование 5-й армии с центральным советским правительством о создании в Восточной Сибири земско-краевого объединения – так называемого «буферного государства несоветского типа».

19 января в Томске в присутствии 13 человек состоялись переговоры по буферу. При этом советская делегация имела директивы «искать пути к мирному разрешению запутанного вопроса Восточной Сибири, по возможности избегая вооруженного столкновения»⁶⁷. Председатель делегации Политцентра И.И. Ахматов, указывая на то обстоятельство, что антиколчаковское движение под лозунгами «мир с советской Россией», «борьба с интервенцией» и «воссоединение Восточной Сибири с Россией», «свержение правительства Колчака» увенчалось успехом, предложил завершить начатое дело.

Завязывание экономических отношений с Америкой, поддержка нейтралитета Японии и продолжение борьбы с сибирской реакцией диктовали необходимость образования временного государства-буфера, которое могло бы послужить окном в блокаде советской России на Дальнем Востоке.

После обмена мнениями между членами делегации Ахматовым, В.М. Кононовым⁶⁸, Е.Е. Колосовым, с одной стороны, и с другой – председателем Сибревкома И.Н. Смирновым⁶⁹,

---

скую гимназию, поступил в Тифлисскую семинарию. Учеба прервалась службой в армии в 1895–1897 гг. Вступил в ряды ПСР. Работал учителем, конторщиком на батумских предприятиях. В 1908 г. при бегстве от преследований царской жандармерии в Японию решает остаться в Иркутске. Активный участник Февральской революции. В 1918 г. командовал кавалерийским дивизионом анархистов. В 1920 г. вошел в состав Восточно-Сибирской Красной армии отдельной боевой частью – интернациональной Гонготской дивизией. В 1921 г. встречался с В.И. Лениным; вступил в РКП(б). Награжден орденом Красного Знамени; назначен командующим советскими войсками Якутии и Северного края.

⁶⁵ Калашников Н.С. – поручик царской армии; в годы революций произведен в штабс-капитаны; в начале 1918 г. возглавлял Военный отдел комитета ПСР; в конце 1919 г. назначен командующим народно-революционной армией Политического центра, 8 января 1920 г. – управляющим военным министерством.

⁶⁶ Гинс Г.К. Указ. соч. С. 215.

⁶⁷ Сибирская правда. 1920. 13 января; Вендрих Г.А.. Декабрьско-январские бои 1919–1920 гг. в Иркутске. Иркутск, 1957. С. 47.

⁶⁸ Кононов Василий Моисеевич (1889—?) – из крестьян Пензенской губ., работал кооператором и газетным сотрудником; образование среднее. В 1907–1909 гг. занимался репетиторством. Член ПСР с 1908 г.; в 1910 г. за партийную деятельность приговорен к каторжным работам в Енисейской губ., где проживал до 1917 г. В 1918 г. избран гласным думы и губернского зем-

командующим 5-й армией Устичевым⁷⁰, председателем Дальсовнаркома А.М. Краснощековым⁷¹ принимается решение:

«1) Создание Восточно-Сибирского государства-буфера считается необходимым. Границы его с запада временно определяются по линии рек Ока и Ангара, 2) Восточно-Сибирская государственность принимает на себя обязательства очистить в порядке дипломатических переговоров Кругобайкальскую и Амурскую железные дороги от иностранных войсковых частей и укрепить выходы Кругобайкальской дороги, 3) Политический центр обязуется передать советской власти адмирала Колчака с его штабом и весь золотой запас»⁷².

Эти (и еще одно – технического свойства) решения были переданы Смирновым 20 января по прямому проводу в Москву. А на следующий день предсовобороны Ленин и предреввоенсовета Троцкий дали четкую установку: «В отношении буферного ваше предложение одобряю. Необходимо лишь твердо установить, чтобы наш представитель или лучше два представителя при Политцентре были осведомлены обо всех решениях, имели право присутствовать на всех совещаниях Политцентра»⁷³.

О каком представителе шла речь в ленинской телеграмме? Уж не о том ли, который, по воспоминанию А. А. Ширямова, всего лишь «присутствовал на заседаниях с информационной целью», притом что губком и революционный военный штаб отказывались от участия в городских боевых сражениях, направив единомышленников на поиски складов с вооружением? Нам думается, что томские переговоры в общей концепции Гражданской войны в Сибири должны рассматриваться с учетом следующих моментов.

Первый – признание центральной советской властью разгрома «правобольшевистской атамановщины» за земско-эсеро-меньшевистским Политическим центром. Второй – отказ центральной советской власти от дальнейшего продвижения частей Красной армии в глубь Сибири с возложением на «Восточно-Сибирскую государственность» обязательств «очистить в порядке дипломатических переговоров Кругобайкальскую и Амурскую железные дороги от иностранных войсковых частей». Третий – воплощение в жизнь идеи образования «государства-буфера несоветского типа», сформулированной в конце октября 1919 г. «земской политической мыслью», благодаря прежде всего стремлению центра, подкрепленному согласием Москвы. Четвертый – возникновение разногласий между центральной и местной сибирской советской властями в вопросе о буфере, а значит, о дальневосточной государственности.

Ряд советских историков вину за «дезорганизацию» членов советской делегации при решении вопроса об устойчивом положении Политцентра в Иркутске переложили на плечи представителя Сибирского и губернских комитетов РКП(б) А.М. Краснощекова. Между тем

ства, членом Совета рабочих и солдатских депутатов Пензы, членом Учредительного собрания по списку социалистов-революционеров. С октября 1918 г. нелегально проживал в Томске; в 1919 г. переехал в Иркутск, где вошел в Исполком Военно-социалистического союза и Политического центра. В начале 1920 г. принимал участие в составе мирной делегации для переговоров с советской Россией. До 1922 г. проживал в Чите; член Дальбюро ПСР и Народного Собрания Дальневосточной республики. Работал в читинской газете «Труд». В 1922 г. по уголовному делу против Дальневосточной организации ПСР приговорен к трем годам заключения в Архангельском концлагере. В 1925 г. выслан в Казахстан на три года.

⁶⁹ Смирнов Иван Никитович (1881–1936) – член РСДРП(б) с 1899 г. За революционную деятельность неоднократно подвергался ссылкам. В 1917 г. один из организаторов Совета солдатских депутатов Томского гарнизона; в 1918 г. член Реввоенсоветов Республики, Восточного фронта и 5-й армии. В 1919–1920 гг. председатель Сибревкома. С апреля 1920 г. член ЦК РКП(б). В 1936 г. репрессирован и приговорен к расстрелу. Реабилитирован в июне 1988 г.

⁷⁰ Командиром 5-й армии в период между 25 ноября 1919 г. и 21 января 1920 г. был Г.Х. Эйхе.

⁷¹ Краснощеков Александр Михайлович (1880–1937) – государственный деятель. В 1917 г. назначен председателем Никольско-Уссурийского обкома РКП(б) и Дальневосточного крайисполкома. В 1918 г. председатель Дальневосточного СНК. С 1920 г. председатель правительства и МИДа Дальневосточной республики. С 1921 г. замнаркома финансов РСФСР, в 1922–1926 гг. председатель правления Промбанка СССР. Репрессирован.

⁷² Социал-демократ (Иркутск). 1920. 21 марта.

⁷³ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 51. С. 334.

ответ советской делегации члены Политцентра получили вовсе не от Краснощекова, а от И.Н. Смирнова.

«Надо бешено изругать противников буферного государства, – телеграфировал Ленин Троцкому, – погрозить им партийным судом и потребовать, чтобы все в Сибири осуществили лозунг: «Ни шагу на восток далее, все силы напрочь для ускоренного движения войск и паровозов на запад в Россию». Мы окажемся идиотами, если дадим себя увлечь глупым движением в глубь Сибири, а в это время Деникин оживет и поляки ударят. Это будет преступление»⁷⁴.

Будучи осведомленными о предварительном томском соглашении, иркутские большевики стремились упредить нежелательную для них ленинскую соглашательскую установку по образованию «Восточно-Сибирской государственности».

Прежде всего, не дожидаясь официальных инструкций Москвы или Томска, поздно вечером 20 января 1920 г. они созвали объединенное заседание ЦК сибирских организаций РКП(б), Иркутского губернского комитета РКП(б), центрального штаба рабоче-крестьянских дружин, бюро сибирских групп левых социалистов-революционеров (автономистов). Исходя из того что «советская власть есть [...] единственная Всероссийская власть», «власть Политического центра превратилась в одно из проявлений [...] интервенции», «Политический центр, лишенный поддержки низов, не желающих идти под лозунгом Учредительного собрания, не способен к решительной борьбе с реакцией как с востока, так и с запада, в виде семеновских и каппелевских⁷⁵ банд»⁷⁶, заседание предложило Политцентру передать власть ВРК до созыва Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

Показателен факт – в подписанном 22 января акте местные коммунисты согласились с формулировкой – власть передавалась ВРК на «всей территории, освобожденной от реакции». «Оскорбленная» самостоятельностью Москва настолько «обижается», что даже не удосужилась поздравить рабоче-крестьянские массы Иркутска со знаменательным событием. Не найдем поздравлений и от Ленина⁷⁷.

Кроме того, иркутяне намеренно «раздували» опасность «как с востока, так и с запада», вплоть до введения в городе осадного положения. Борьба же с «семеновскими и каппелевскими бандами» ограничилась тремя сутками и осуществлялась силами местных вооруженных частей. Но этого было достаточно для постоянных призывов к помощи Красной армии.

Далее: «таинственные передвижения по городу [...] предметов боевого снаряжения» и разбросанные портреты Верховного правителя послужили предлогом для ВРК физически ликвидировать третий пункт томского предварительного соглашения расстрелом А.В. Колчака и В.Н. Пепеляева⁷⁸. И наконец, дабы окончательно искоренить идею земско-краевого объединения или «Восточно-Сибирскую государственность», были упразднены ВССНУ и Иркутские губернское земство, городская дума и управа.

Совещанием от 20 января 1920 г. коммунистам удалось решить намеченную ими задачу – исключить Иркутскую губернию из последовавшего затем довольно странного процесса,

⁷⁴ См., например: Агалаков В.Т. Указ. соч.; Вендрих Г.А.. Указ. соч.; Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 51. С. 137, 466.

⁷⁵ Каппель Владимир Оскарович (1883–1920) – в 1903 г. окончил Николаевское кавалерийское училище, в 1913 г. Николаевскую Академию Генштаба. Участник Первой мировой войны. Летом 1918 г. командир 1-й добровольческой дружины Народной армии Комуча, взявшей Симбирск и Казань; в ноябре 1919 г. произведен в генерал-лейтенанты, назначен командующим 3-й армией; 11 декабря 1920 г. назначен главнокомандующим. В Великом Сибирском Ледяном походе простудился, 25 января умер от воспаления легких.

⁷⁶ Знамя борьбы. 1920. 24 марта; Сибирская правда. 1920. 24 января.

⁷⁷ См.: Владимир Ильич Ленин: Биографическая хроника (ноябрь 1919 – июнь 1920). Т. 8. М., 1977; Ленин В.И. Полн. собр. соч. (Письма. Июль 1919 – ноябрь 1920). Т. 51; Лениниана: Библиографический указатель произведений В.И. Ленина и литература о нем. Т. 10. М., 1990; Хронологический указатель произведений В.И. Ленина. Книги, статьи, выступления, письма и другие документы. Ч. 2 (март 1917 – март 1923). М., 1962.

⁷⁸ Постановление Иркутского Военно-революционного комитета от 6 февраля 1920 г. № 27. Цит. по: ЦА ФСБ России. Арх. № Н-501. Д. 1. Л. 41.

затеянного Москвой. Ознакомившись с запиской секретаря ЦК РКП(б) Н.Н. Крестинского⁷⁹ с предложением сообщить председателю Сибревкома Смирнову резолюцию ЦК РСДРП от 22 января «О перевороте в Восточной Сибири» и о создании «революционными организациями временного органа революционной власти с социалистической платформой – Восточно-Сибирского государства», Ленин написал на ней резолюцию: «Согласен»⁸⁰ (правда, не ясно, с чем).

Вот текст этой резолюции, полученной Бюро сибирских организаций РСДРП в ответ на телеграмму от мирной делегации Политцентра: «По отношению к Восточной Сибири ЦК, считаясь с особыми международными условиями, с особым социальным укладом края, равно как и с характером революционных сил, свергнувших власть временной диктатуры, признает целесообразным провозглашение Сибирского товарищества в качестве временного состояния особого государственного устройства и особого экономического режима, соответствующих воле трудящегося населения, но эта государственная автономия не должна нарушать государственного единства Сибири с Россией...

Для того чтобы Восточная сибирская краевая власть могла успешно разрешать стоящие перед нею задачи и обладать надлежащей прочностью, она должна быть создана соглашением всех революционных партий до коммунистов и включать в себя их представителей. Исходя из всего вышеизложенного Центральный комитет РСДРП требует, чтобы советская власть ни в коем случае не пыталась вопреки явным интересам революции силою оружия навязывать свою волю крестьянско-пролетарской революционной демократии Восточной Сибири, свергнувшей своими силами колчаковскую диктатуру и образовавшей свою краевую власть; наоборот, скорей соглашение с этой властью дало бы ей возможность стоящие перед нею революционные задачи выполнить и тем самым положило бы начало восстановления единого революционного фронта по всей России»⁸¹.

Исходя из резолюции Ленина на данном документе уместно поставить под сомнение его персональные «заслуги» в разработке стратегического плана – создания на Дальнем Востоке буферного государства, являвшегося составной частью советской России. В провозглашенную 6 апреля 1920 г. Дальневосточную республику, как и намечалось октябрьским 1919 г. иркутским совещанием «земцев», вошли: Амурское, Приморское, Сахалинское, Камчатское (с добавлением из планировавшегося Средне-Сибирского земско-краевого объединения), Забайкальское земства.

Следовательно, срыв образования «Средне-Сибирской республики» на основе Иркутского губернского земства являлся причиной «недовольства» центральной советской власти по поводу действий иркутян, среди которых сторонники центральной советской власти и непосредственного сообщения Иркутска с Москвою удерживали свои позиции вплоть до созыва III Всесибирской конференции РКП(б).

Преувеличена и другая «заслуга» Ленина – при помощи государства-буфера восстановить мир на Дальнем Востоке, не допуская войны с Японией. Обозначенная Лениным на IX съезде РКП(б) «всемирная социальная революция» к концу 1920 г. получала неожиданный ракурс: социально-экономическое развитие территорий Дальневосточной республики. Ленин сформулировал практическую задачу коммунистической политики: «сеять вражду», «стравливая друг с другом» первую из трех «ближайших противоположностей» – Японию и Америку на «большой территории Крайнего Востока и Северо-Востока Сибири» – «неизвестно кому

---

⁷⁹ Крестинский Николай Николаевич (1883–1938) – государственный и политический деятель. С 1918 г. нарком финансов РСФСР. В 1919–1921 гг. член Политбюро, Оргбюро и секретарь ЦК РКП(б). В 1921 г. полпред в Германии, с 1920 г. заместитель наркома иностранных дел СССР. В марте – мае 1937 г. замнаркома юстиции СССР. Репрессирован.

⁸⁰ Владимир Ильич Ленин: Биографическая хроника. Т. 8. С. 265.

⁸¹ Социал-демократ. 1920. 21 марта.

принадлежащей Камчатки». Решение же задачи рассматривалось через проект подготовленного А.И. Рыковым⁸² договора о 60-летней «экономической утилизации»⁸³.

Таким образом, материалы «Следственного дела» в аналитическом сопоставлении с опубликованными исследованиями по истории Гражданской войны и периодической печатью первых лет советской власти позволяют обозначить несколько иные, чем прежде, ракурсы в ее изучении.

Во-первых, разложение режима Омского правительства, потеря им внутренней социальной базы произошли вследствие изменения общественного мнения, жаждущего избавиться от двух диктатур: «правобольшевистской», именуемой «колчаковщиной», и большевистской.

Во-вторых, укрепление общественного института, сформированного интеллектуальной, культурной, университетской элитой крупных сибирских городов, земскими деятелями, небольшевистскими партиями и движениями, способствовало стремлению широких масс защитить себя не только от тех, кто стремился к власти ради власти, но и тех, кто не в силах, по тем или иным причинам, защищать и развивать общественную самодеятельность.

В-третьих, в процессе «поглощения» «земской политической мысли» о необходимости свержения власти Колчака местные партии преследовали специфические цели: социалисты-революционеры и социалисты-демократы считали, что «вооруженное восстание в данный момент – авантюра», а коммунисты, в ожидании частей Красной армии, отказывались сотрудничать с «ярыми реакционерами – земцами».

В-четвертых, земско-краевое объединение, пересаженное в «лоно» социалистических партий, было выгодно центральной советской власти из-за переноса вооруженного удара Красной армии против «белополяков» и Деникина, бесконтрольного использования природных богатств и технического парка Сибири, временной отсрочки дальнейших перспектив «освоения» территорий, что затем выразилось в проектируемой «экономической утилизации».

ДОКУМЕНТАЛЬНЫЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА УЧАСТНИКОВ СОБЫТИЙ

Протокол опроса в качестве свидетеля Якова Николаевича Ходукина

Марта 4 дня 1920 г., я, нижеподписавшийся, тов[арищ] председателя Чрезвычайной следственной комиссии К.А. Попов⁸⁴, опрашивал товарища Ходукина в качестве свидетеля по делу А.А. Червен-Водали, причем⁸⁵ т[оварищ] Ходукин показал: я, Яков Николаевич Ходукин, заведующий отделением кустарной промышленности с[ельско]-х[озяйственного] подотдела губерн[ского] земельного отдела, живу я в гор[оде] Иркутске, по Набережной, д[ом] № 4, Червен-Водали посторонний, по делу показываю, записывая свои показания собственноручно:

⁸² Рыков Алексей Иванович (1881–1938) – государственный и политический деятель. В 1918–1921 и 1923–1924 гг. председатель ВСНХ, одновременно с 1921 г. зампреда СНК и СТО. В 1920–1924 гг. член Оргбюро ЦК РКП(б), в 1922–1930 гг. член Политбюро ЦК партии, председатель СНК РСФСР. В 1931–1936 гг. нарком почт и телеграфов. Репрессирован.

⁸³ *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 42. С. 23, 44, 56, 61–68, 92–100, 120, 170.

⁸⁴ Попов Константин Андреевич (1876–1949) – окончил юридический факультет Юрьевского (Тартуского) университета. В 1899–1907 гг. неоднократно высылался в Омск под гласный надзор полиции, где возглавил местную организацию РСДРП (до осени 1917 г. объединенная). С марта по декабрь 1917 г. возглавлял Омский Совет рабочих и солдатских депутатов и Западно-Сибирский облисполком Советов. В 1918 г. – лидер сибирских меньшевиков-интернационалистов. В августе 1919 г. освобожден из «эшелона смерти». В 1920 г. возглавил ведение и протоколирование допросов Колчака, затем – зампреда Чрезвычайной следственной комиссии. По заданию бюро сибирских подпольщиков при Истпарте ЦК ВКП(б) отредактировал книгу «Допрос Колчака» (Л., 1925) (вопрос о соответствии опубликованного текста со всеми стенограммами и протоколами допросов остается открытым). После Гражданской войны – заведующий отделом пропаганды ЦК ВКП(б). Доктор исторических наук, профессор. Преподаватель Института красной профессуры, Института Маркса – Энгельса – Ленина и Московского историко-архивного института. Участник подготовки к печати работ В.И. Ленина.

⁸⁵ Далее зачеркнуто «последний», надписано «т[оварищ] Ходукин».

В канун января 1919 года (точно числа не помню) управляющий Иркутской губернией П.Д. Яковлев⁸⁶ явился ко мне в кабинет, как к председателю Иркутской губернской земской управы, и заявил, что временно исполняющий обязанности председателя Совета министров А.А. Червен-Водали просит меня и городского голову г. Иркутска прибыть в 5 часов вечера в помещение Совета министров на совещание по вопросу о передаче власти земским и городским самоуправлениям. Я ответил согласием, предупредив, что явлюсь на совещание не один, а со всем наличным составом губернской земской управы и председателем Амурской областной земской управы А.Н. Алексеевским.

В 5 часов вечера, я, заместитель председателя губ[ернской] земской управы И.Х. Петелин⁸⁷, члены управы: П.Н. Данбинов⁸⁸, А.И. Филиппов⁸⁹, городской голова П.В. Зицман, товарищ городского головы А.Я. Гончаров и председатель Амурской областной земской управы А.Н. Алексеевский, были приняты Червен-Водали. В кратких словах Червен-Водали изложил цель совещания: правительство Колчака убедилось, что оно не отражает взглядов страны, не пользуется никаким доверием народа. Колчак своими бестактными выступлениями против чехословаков лишает Совет министров возможности работать; изданием указов, без ведома Совета министров, он нарушил Конституцию; этим нарушением дал Совету министров и юридическое и моральное право передать власть в руки местных земских и городских самоуправлений.

Передача может состояться лишь на следующих условиях: 1. Неприкосновенность личности адмирала Колчака. 2. Неприкосновенность личности всего Совета министров. 3. Свободный выезд в пределы Забайкалья всех военных, не желающих остаться на службе у новой власти. 4. [...] 5. Всемерная забота об отступающей армии вообще, в частности о больных и раненых. 6. Золотой запас передается союзникам под международную охрану, впредь до образования единой Всероссийской власти. 7. Адмирал Колчак отрекается от власти Верховного правителя в пользу генерала Деникина, как преемника идеи единой власти.

Выслушав эти условия, мы заявили, что, являясь лишь частью создавшегося политического объединения в лице Политического центра, не полномочны дать ответ на предложенные им условия, но берем на себя задачу передать эти условия на обсуждение Политического центра. Со своей стороны можем лишь заявить, что ни одно из этих условий, кроме пункта 5-го, для нас неприемлемо. Условились для окончательных переговоров собраться на следующий день в 3 часа дня.

В назначенное время, в том же составе, мы были на месте. Приняты же были лишь в 4 часа. В этот момент шло заседание Совета министров по вопросу о передаче власти. На заседании присутствовал какой-то японский офицер, к сожалению, фамилии не знаю. По окончании

---

⁸⁶ Яковлев Павел Дмитриевич (1891–1925) – в 1918 г. председатель Иркутской губернской управы. В июне по приговору Иркутского военно-революционного штаба помещен в тюрьму; освобожден антибольшевистским подпольем. Назначен управляющим Иркутской губернией. В 1920 г. переехал в Харбин, где через некоторое время работал на советскую разведку. В 1922 г. отозван в Иркутск и арестован. Вновь арестован в 1924 г. в Москве по обвинению в проведении массовых репрессий против мирного населения в 1918–1919 гг. 12 января 1925 г. коллегия ОГПУ вынесла приговор за подписью Г.Г. Ягоды о его смертной казни. В 1994 г. реабилитирован Генеральной прокуратурой РФ как «жертва необоснованных политических репрессий». Подробно см.: *Шободоев Е.Б.* Управляющий Иркутской губернией; *Скорикова Н.А.* П.Д. Яковлев: Необходимое послесловие // Сибирский архив: Архивные документы. Публикации. Факты. Комментарии. Науч. – попул. истор. – краевед. сб. Вып. 1. Иркутск, 2000. С. 34–68.

⁸⁷ Петелин Иван Харлампиевич – член ПСР; депутат, председатель Черемховского уездного земского собрания; зампредела Иркутской губернской земской управы. В начале 1920 г. начальник Иркутского гарнизона; один из активных участников военных действий Политического центра.

⁸⁸ Данбинов Петр Никифорович (1890–1937) – в 1919 г. член Иркутской губернской земской управы; один из активных участников военных действий Политического центра. В 1922 г. член Дальбюро ПСР; руководитель Бурятского национального революционного комитета. В ноябре 1922 г. был арестован по делу Дальневосточной организации ПСР, сослан на три года в Туркестан.

⁸⁹ Филиппов А.И. – в 1919 г. член Иркутской губернской земской управы; входил в Иркутское губернское объединение трудового крестьянства. В начале 1920 г. работал в комиссии Политического центра по расследованию убийства на оз. Байкал.

заседания Червен-Водали принял нас и, не выслушав ответа на предъявленные им же вчера условия, заявил, что Совет министров власти передавать не намерен, а будет вести с послушниками его воли борьбу, не стесняясь в выборах средств. Совет министров получил точные сведения, что Политический центр берет власть лишь для того, чтобы безболезненно передать ее большевикам. А при таких условиях о передаче власти не может быть и речи. Выслушав сообщение, я, от имени собравшихся, заявил, что говорить, значит, нам больше не о чем. «Прошу запомнить одно: кровь прольется не по вине земства, а по вине Совета министров». Мы ушли.

Я. Ходукин.

Зачеркнуто «последний», надписано «т. Ходукин» – верить.

Тов[арищ] председателя] Чрез[вычайной] следственной] ком[иссии] К. Попов.

ЦА ФСБ России. Арх. № Н-501. Д. 7. Л. 63–64. (Рукопись, подлинник.)

Протокол опроса в качестве свидетеля Якова Николаевича Ходукина

Марта 5 дня 1920 г., я, нижеподписавшийся, товарищ председателя Чрезвычайной следственной комиссии, опрашивал тов[арища] Ходукина в качестве свидетеля по делу А.А. Червен-Водали, причем т[оварищ] Ходукин показал:

Первые шаги Омского правительства, – ликвидация Дерберовского правительства⁹⁰, «перерыв», а затем и «самороспуск» Сиб[ирской] обл[астной] думы, ясно показали, что земству не по пути с этим правительством. Земство перешло в оппозицию. Отставка генерала Гайды и его фрондирующее путешествие по Сибири, сопровождавшееся политическими беседами с общественными и партийными работниками, тоже с особенной ясностью подчеркнуло, с одной стороны, необходимость переворота, а с другой – искание путей к достижению этого переворота⁹¹ только внутри самой демократии. Иркутским губернским земством, по собственному почину, было созвано нелегальное земское совещание. На нем был единогласно принят вопрос о перевороте, о свержении власти Колчака.

Выделенное совещанием земское Политическое бюро взяло на себя обязанность оформить земскую политическую мысль, начать подготовительные работы по перевороту. Первыми шагами бюро было войти в переговоры с социалистическими партиями с[оциал]-р[еволюционеров] и с[оциал]-д[емократов]. Вначале эти переговоры были неудачны: обе партии категорически заявили, что вооруженное восстание в данный момент – авантюра; что опираться в борьбе возможно только на демократические силы, хорошо организованные, а их-то в данный-то именно момент и нет. Было одно у всех общее: необходимость переворота... Это связало нас, и при совместной работе по подготовке к перевороту все шероховатости сгладились.

В целях координирования действий решено было организовать «Политический центр» в составе представителей: партий с[оциалистов]-р[еволюционеров] и с[оциалистов]-д[емократов], трудового объединения крестьянства и земского политического] бюро. Была попытка привлечь к работе т[оварищей] коммунистов, но они, узнав, что в составе центра имеются

⁹⁰ Дербер Петр Яковлевич (сентябрь 1888, Одесса—?) – в 1904 г. окончил юридический факультет Новороссийского университета; в партии социалистов-революционеров с 1902 по 1918 г. В 1913 г. командирован в Париж. Неоднократно привлекался царским правительством к судебной ответственности за революционную деятельность. В 1917–1918 гг. председатель Совета министров правительства Сибирской областной думы. В феврале 1918 г. председатель Совета министров Временного правительства автономной Сибири; после занятия чехами Владивостока декларировал о переходе к нему власти; в октябре Дерберовское правительство упразднено. В 1919–1922 гг. – экономист в Сибревкоме (г. Омск), в 1920–1922 гг. – заведующий статистико-экономическим отделом Сибсовнархоза и Сибгосплана. В 1922 г. проходил по судебному процессу над партией социалистов-революционеров в Москве, приговорен к пяти годам лишения свободы. В 1924 г. по ходатайству председателя Госплана СССР освобожден от наказания и откомандирован на принудительные работы в Госплан СССР. С 1925 г. работал в системе наркомата внутренней торговли РСФСР. В 1930 г. снят с должности по результатам «чистки» аппарата наркомата. В 1933 г. переведен в Экспортлес. В 1927 г. избран членом бюро Дальневосточной секции Всесоюзной Западной торговой палаты и председателем торговой секции Общества изучения советской Азии. Автор книг «Очерки народного хозяйства на Дальнем Востоке», «Торговое районирование», «Японская эмиграция и Соединенные Штаты», «Демография и колонизация советского Дальнего Востока», «Сельскохозяйственный экспорт» и др.

⁹¹ Далее зачеркнуто «вне».

земцы (ярые реакционеры, по их мнению), войти отказались. Как вел подготовительную работу центр – известно: работа велась среди войск, рабочих, трудовой интеллигенции; завязаны были сношения с западом и востоком; в самой армии Колчака находились наши агенты из солдат и командного состава. Одновременно велись переговоры с чехами на предмет установления дружественного нейтралитета. Работа дала хорошие результаты – переворот был совершен.

В конце ноября прошлого года управляющий Иркутской губернией П.Д. Яковлев приехал в губ[ернскую] земскую управу и передал мне приглашение председателя Совета министров В.Н. Пепеляева пожаловать к нему в гостиницу «Модерн»⁹² побеседовать о создавшемся политическом положении. Была передана просьба мне же пригласить на эту же беседу Е.Е. Колосова. Я ответил Яковлеву, что вызову Колосова, переговорю с ним и результат сообщу по телефону. Результаты эти были таковы: «беседовать» будем, но не в «Модерне» у В.Н. Пепеляева, а в квартире П.Д. Яковлева.

В 4 часа началась беседа... Пепеляев сообщил, что он получил от Верховного правителя предложение организовать новый кабинет министров. На это предложение он ответил согласием при условиях: восстановление дружбы с чехами, подчинение военной власти власти гражданской, расширение прав местных самоуправлений, расширение⁹³ прав земского совещания в сторону наделения его «некоторыми» законодательными функциями, немедленный созыв земского совещания. Все эти условия правителем приняты, за исключением наделения законодательными функциями земского совещания – по этому вопросу предложено представить письменный доклад.

«Вот, если для вас, [господа], моя программа приемлема, то я приглашаю вас помочь мне совместно проводить ее в жизнь», [–] закончил Пепеляев. Е.Е. Колосов и я подвергли жесточайшей критике политику правительства вообще, в частности – министра внутренних дел Пепеляева, и заявили в заключение⁹⁴: «Для нас Ваша программа не приемлема, мы идем своей дорогой и не остановимся ни перед чем [–] даже пред вооруженным восстанием. В намеченном Вами кабинете особенно для нас неприемлема фигура б[ывшего] министра внутренних дел Пепеляева, а теперешнего премьера – тем более». Пепеляев на это ответил: «Вы, [господа], более чем откровенны». На этом беседа закончилась.

На следующий день была назначена⁹⁵ у Яковлева же беседа Пепеляева совместно с общественными деятелями. Присутствовали: Пепеляев, Яковлев, А.И. Погребецкий⁹⁶, В.А. Анисимов⁹⁷, М.М. Константинов, П.В. Зицерман, А.Я. Гончаров, А.А. Пескин⁹⁸, В.П. Неупокоев⁹⁹, М.Н. Богданов¹⁰⁰ и Я.Н. Ходукин. Пепеляев, как и накануне, изложил свою программу, но в этот раз он был самоуверен до чрезвычайности. Объяснение простое: он уже сформировал кабинет и беседовал по инерции. Положительных результатов не дала и эта беседа.

⁹² Далее зачеркнуто «с».

⁹³ Далее зачеркнуто «з».

⁹⁴ Далее зачеркнуто «Особенно».

⁹⁵ Далее зачеркнуто «сове».

⁹⁶ Погребецкий Александр Ильич (1891–1952) – в 1920 г. член Всесибирского краевого комитета ПСР; председатель фракции социалистов-революционеров Дальневосточной республики.

⁹⁷ Анисимов Василий Анисимович (1878–1938) – видный социал-демократ; в 1907 г. член Государственной думы. В 1920 г. руководитель ведомства промышленности кабинета Дальневосточной республики. В 1922 г. постановлением Дальбюро партии социал-демократов исключен из партии за нарушение партийной дисциплины. Получил назначение на пост директора «Эксплолеса» Дальневосточной республики.

⁹⁸ Пескин (в тексте документа – А.А., возможно, Израиль Моисеевич) – член РСДРП(м), член Иркутской городской управы.

⁹⁹ Неупокоев В.П. – член Сибирской областной думы; в 1918 г. назначен эмиссаром военного отдела комитета ПСР. В 1919 г. избран в Иркутскую губернскую земскую управу.

¹⁰⁰ Богданов Михаил Николаевич – член Учредительного собрания от 2-го Забайкальского избирательного округа и Бурятского национального комитета.

Военные действия начались (если не ошибаюсь) 24 декабря выступлением 53-го Сибирского стрелкового полка, имевшего стоянку в Глазково. Командование восставшими принял т[оварищ] Н.С. Калашников. Неточно данный адрес помешал своевременному извещению городских войсковых частей, и одновременного выступления не последовало. В последующие дни восстание распространилось на Военный город, ст[анции] Иннокентьевскую и Батарейную. В тот же день, когда Червен-Водали так грубо прервал переговоры о передаче власти, в городе выступила инструкторская школа, под руководством т[оварища] Кашина¹⁰¹, отряды особого назначения с т[оварищем] Решетиным¹⁰² во главе и сотня есаула Петелина... Начало было неудачно, и восставшие отступили в Знаменское предместье.

Мне трудно говорить о военных действиях: сведения мои отрывочны, так как я переезжал с одного фронта на другой, выполняя поручения Политического центра; то вел переговоры с союзниками. Одно неизменно врезалось в память: беззаветная храбрость, личное мужество [товарищей] Калашникова, Кашина, есаула Петелина и Виктора Попова¹⁰³, выше всяких похвал дралась рабочая дружина в Глазково, во время набега семеновцев.

Кажется, 3 января, в час ночи, явились в штаб Глазковской группы Народной армии представители союзных держав Франции, Англии, Америки, Японии и Чехославии¹⁰⁴. В пышных фразах они заявили, что в интересах человечества предлагают свои услуги быть посредниками по перемирию между нами и правительством Колчака. Я, от имени центра, заявил, что мы не сторонники кровопролития, и на предварительные переговоры согласен. Тотчас же, я, полковник Красильников¹⁰⁵ и поручик [З]оркин¹⁰⁶ отправились, по приглашению пришедших, к высоким комиссарам Англии и Франции, в их салон-вагон.

Высокие комиссары, повторив предложение своих представителей, заявили о своей готовности быть посредниками. Мы согласились на 24-часовое перемирие, во время которого должны начаться мирные переговоры. Был составлен соответствующий акт и подписан нами. Через несколько минут этот акт был принесен нам, подписанным со стороны пр[авительств]а Колчака Ханжиным и кем-то еще – не помню – или Ларионовым, или же Червен-Водали. Оказалось, что эти представители находятся в соседнем купе и переговоры были делом их рук. На следующий день начались переговоры с 10 ч[асов] утра..

Мы¹⁰⁷, в составе членов Политического] центра: Ходукина, Иваницкого-Василенко¹⁰⁸, Ахматова, представителей штаба Красильникова и [З]оркина, предъявили целый ряд условий, на которых могли бы прекратить войну. В свое время условия эти и ответы на них были напечатаны в официальных органах Политического центра. Сейчас я боюсь перепутать их редакцию. Ответ ясно показал нам сущность намерений колчаковцев: выиграть время. Мы заявили высоким комиссарам, что считаем ответы неискренними, бесчестными и поэтому от дальнейших переговоров отказываемся. Забыл сказать, что представителями правительства были Ларионов

¹⁰¹ Кашин И.П. – руководитель инструкторской школы в Иркутске.

¹⁰² Решетин – командир отрядов особого назначения народно-революционной армии Политического центра.

¹⁰³ Попов Виктор – участник боевых действий Политического центра в декабре 1919 г.

¹⁰⁴ Так в документе.

¹⁰⁵ Красильников – полковник Главного штаба народно-революционной армии Политического центра.

¹⁰⁶ В тексте Коркин, правильно Зоркин Иван Николаевич – поручик Главного штаба народно-революционной армии Политического центра; член мирной делегации Политического центра в январе 1920 г. на томских переговорах с представителями советской России.

¹⁰⁷ Далее зачеркнуто «в том же со».

¹⁰⁸ Иваницкий-Василенко Александр Алексеевич – член Учредительного собрания от Съезда крестьянских депутатов и социалистов-революционеров 6-го Тобольского избирательного округа. В 1918 г. член Всесибирского краевого комитета ПСР. С лета 1919 г. один из главных организаторов по подготовке вооруженного восстания против правительства Колчака, создал совместный меньшевистский и социал-революционный Политический центр. В декабре 1919 г. восстание в Иркутске закончилось полной победой. Вошел в состав Временного Совета Сибирского народного управления от Политического центра.

и генерал-майор Вагин¹⁰⁹. Переговоры велись путем письменных сношений. Выслушав наше заявление, высокие комиссары, после переговоров с колчаковцами, просили нас продолжить вечером переговоры уже путем личного свидания, обещая оказать свое всемерное содействие к благоприятному их исходу.

Должен заметить, что высокие комиссары все время переговоров не скрывали своих симпатий к представителям Политического центра и открыто подчеркивали недовольство поведением представителей правительства. Вечером состоялись личные переговоры с Ларионовым и Вагиным. Результатов никаких не дали. Мы решились прервать переговоры, но Ларионов и Вагин чуть ли не умоляли продолжить их завтра в 2 часа дня, уже совместно с полным составом Совета министров, продлить перемирие еще на 24 часа. Нами дано было согласие на продолжение переговоров, но перемирие согласились продлить лишь на 12 часов.

На следующий день, вместо назначенных в 2 ч[аса], Совет министров прибыл лишь в 6 ч[асов] вечера... Состав был таков: Червен-Водали, Бурышкин, Ханжин, Ларионов, Палечек¹¹⁰ и от штаба Вагин. Червен-Водали повторил те же требования, что выставляли Ларионов и Вагин. Мы ответили отказом. Начался разбор по пунктам. Среди этого разбора принесли нам известие, что в городе начались грабежи. Перед этим я только что обратил внимание Червен-Водали и высоких комиссаров на то, что среди заседания вышел и более часу не возвращается военный министр Ханжин. Гарантирует ли Совет министров нам, что решение, которое здесь будет принято, не будет аннулировано военным министром, ибо, по-видимому, Совет министров – одно, а Сычев и Ко – другое правительство?

Червен-Водали был крайне смущен этим заявлением, говорил, что сейчас пошлет за Ханжиным и т. д. Посланный вскоре вернулся и сообщил, что военный министр заболел. Вскоре пришло известие о грабежах в городе. Мы потребовали немедленного распоряжения от Червен-Водали, чтобы арестованные наши товарищи, в числе 31-го, были сданы под охрану чехословаков. Червен-Водали дал слово немедленно сделать соответствующее распоряжение. Как оказалось впоследствии, было¹¹¹ поздно: арестованные были уже увезены. Переговоры были прерваны. Через¹¹² три часа мы были уже в городе. Червен-Водали ушел к генералу Жанену¹¹³ и не возвращался.

Огромной частью населения переворот был встречен более чем сочувственно. Лишь незначительные группы были настроены враждебно. О роли Червен-Водали могу сказать немного: виделся с ним всего два раза... Считаю его человеком неискренним: он, приглашая нас на переговоры первый и второй раз, по моему глубокому убеждению, стремился только выиграть время до прихода семеновцев. И еще один факт: Червен-Водали дал честное слово Яковлеву, что кровопролития не допустит. Как видите, – допустил.

¹⁰⁹ Вагин (Варгуин) Александр Николаевич (1884–1953) – офицер царской армии; в 1917 г. член Временного Совета союза казачьих войск от Оренбургского войска. В конце 1919 г. генерал-майор Оренбургской армии. В 1920 г. эмигрировал в Харбин.

¹¹⁰ Палечек Николай Осипович (1878–1937) – педагог; с 1902 г. работал в Министерстве народного просвещения; автор законопроекта о народном университете Шанявского. С 1915 г. вице-директор департамента Министерства народного просвещения; член сельскохозяйственного совета и ученого комитета Министерства земледелия. Участник политической забастовки сотрудников Министерства народного просвещения в ноябре 1917 г. Входил в состав делегации, принятой А.В. Луначарским. С марта 1918 г. в составе совета Пермского университета. В апреле 1919 г. избран товарищем министра народного просвещения правительства Колчака.

¹¹¹ Далее зачеркнуто «уже».

¹¹² Далее зачеркнуто «несколько».

¹¹³ Жанен Пьер Шарль Морис (1862—?) – окончил Версальский лицей, Сен-Сирскую школу, Высшую военную школу Франции; произведен в капитан-майоры Генштаба. В Генштабе занимал ответственные посты: начальник штаба, инспектор армии. В 1912 г. послан инструктором в Николаевскую Академию Генштаба. В начале Первой мировой войны полковник 66-го полка, командир 35-й бригады; принимал участие в сражениях при Марне и Изере. После болезни причислен к ставке маршала Жоффре, где занимался организацией артиллерии, авиации и военных материалов. В апреле 1916 г. назначен шефом французской военной миссии в России; хорошо владел русским языком; в начале 1917 г. уехал на родину. В декабре 1918 г. был в Омск в качестве представителя Высшего межсоюзного командования, главнокомандующего войсками союзных России государств. Автор воспоминаний. Часть личного архива Жанена хранится в Гувёрском институте войны, революции и мира.

Еще менее могу сказать о Ларионове. При переговорах он производил впечатление человека, которому поручили защищать явно некрасивое дело. И вот он по обязанности защищал его нудно, вяло, неинтересно. И уже совершенно¹¹⁴ ничего не могу сказать о генерале Ханжине: видел его всего один раз, и в этот раз генерал не проронил ни одного слова... В первый же раз, при переговорах с Червен-Водали, нами был поставлен вопрос о наших арестованных товарищах. Министр заявил, что они содержатся в «Модерне», хорошо питаются и находятся в совершенной безопасности: их охраняет рота верного министру отряда особого назначения. К сожалению, большего сказать не могу: ничего не знаю.

Я. Ходукин.

Зачеркнуто: «Особенно», «сове», «уже», «несколько», «в том же со», «31 наших» – не читать.

Тов[арищ] председателя] губ[ернской] чека *К. Попов.*

Товарищ председателя К. Попов – при допросе¹¹⁵, товарищем Ходукиным представлено письмо Червен-Водали к нему от 5 января с. г., прилагаемое к настоящему протоколу —

К Попов.

Записка А.А. Червен-Водали Я.Н. Ходукину

5 января 1920 г. Многоуважаемый Яков Николаевич, прошу Вас передать Политическому центру, что я сегодня днем, с ведома и разрешения Вашего коменданта станции, на пароходе «Сибиряк», переехал на эту сторону, был сейчас же в здании Русско-Азиатского банка, к сожалению, никого из Политического центра не застал. В «Модерн» меня почему-то не пускают. Завтра к 12 час[ам] дня зайду к Вам в Управу, чтобы выяснить, могу ли жить в «Модерне», или надо переехать. С совершенным почтением,

А... Червен-Водали.

ЦА ФСБ России. Арх. № Н-501. Д. 7. Л. 65–70 об. (Рукопись, подлинник.)

Протокол допроса Павла Васильевича Зицгермана

Марта 4 дня 1920 г., я, товарищ председателя Чрезвычайной следственной комиссии К.А. Попов, опрашивал т[оварища] Зицгермана в качестве свидетеля по делу А.А. Червен-Водали, причем т[оварищ] Зицгерман показал: Я, Павел Васильевич Зицгерман, 37 лет, гражданин гор[ода] Иркутска, Червен-Водали посторонний, по делу записывая свои показания по Вашему предложению, собственноручно показываю:

С Червен-Водали мне приходилось часто встречаться по делам городского самоуправления, как городскому голове, когда он исполнял обязанности министра внутренних дел в колчаковском правительстве. Но первые мои встречи с ним произошли, когда он еще не был министром. По приезде¹¹⁶ в Иркутск из Омска в ноябре минувшего года, Червен-Водали, вместе с П.А. Бурышкиным, заш[ли] в гор[одскую] управу, чтоб познакомиться со мной. Познакомившись, он просил меня уделить ему и Бурышкину час или два для беседы по делам Согора¹¹⁷, представителями которого они оба были.

Беседа наша состоялась на следующий день вечером, у меня в кабинете в гор[одской] управе, причем на ней, кроме меня, присутствовали товарищ гор[одского] головы А.Я. Гончаров и член управы А.А. Пескин. Червен-Водали и Бурышкин, подробно ознакомив нас с политической хозяйственной ролью в Европейской России и Зап[адной] Сибири, как Согора, так и с их личной ролью, предложили нам возобновить в Иркутске деятельность бездействовав-

---

¹¹⁴ Далее зачеркнуто «31 наших».

¹¹⁵ Так в документе.

¹¹⁶ Далее зачеркнуто «Червен-Водали».

¹¹⁷ Всероссийский Союз городов.

шего Иркутского отделения комитета Союза городов. После этого вступления, Червен-Водали и Бурышкин заявили, что главной целью их прихода к нам является желание переговорить по вопросам не только хозяйственным, городским, а по вопросам политического свойства. Оба они политическое и экономическое положение Сибири находили критическим и виновником такого положения страны считали Колчака и его Омское правительство.

Дав убийственную критику колчаковского правительства, Червен-Водали сказал, что единственным средством исправить положение он считает уход всего правительства в отставку и образование нового, пользующегося доверием общественных кругов. Такое правительство¹¹⁸ могло бы быть образовано, по его мнению, наполовину из социалистов, наполовину из представителей буржуазии, причем в числе этого правительства ему хотелось бы видеть какого-нибудь популярного для всей России общественного работника, например Третьякова (к кандидатуре Пепеляева, в качестве председателя Совета министров, он относился отрицательно).

Это новое правительство должно было бы, не теряя времени, декларировать гражданские свободы, снять цензуру с печати, объявить созыв земского совещания или даже Земск[ого] Собора с законодательными функциями и подчинить военную власть, вне пределов фронта, высшей гражданской власти. Новое правительство Червен-Водали представлял себе как сибирское, а не российское.

Развив предложенные положения, Червен-Водали обратился ко мне и моим товарищам с вопросом, приемлемы ли такие предложения для городского самоуправления и земства. Я и тов[арищ] Гончаров ответили ему, что мнение гор[одской] думы и земства по этим вопросам нам еще точно неизвестно, но мы предполагаем, что они не будут приемлемы, так как и дума и земство потребуют ухода Колчака, образования однородного социалистического] министерства и немедленного заключения мира с большевиками. Червен-Водали просил нас поставить все же эти вопросы перед думскими фракциями и дать ему в ближайшее время ответ для сообщения, очевидно, Колчаку и его правительству. На этом закончена была наша беседа, а через неделю после этого городск[ая] дума, в своем известном заседании, дала ответ на поставленные Червен-Водали вопросы.

После описанной беседы с Червен-Водали мне приходилось говорить в бытность его министром внутренних дел и исполняющим обязанности председателя] Совета министров исключительно по городским вопросам и только однажды. За неделю, приблизительно, до декабрьского выступления он заговорил со мной об отношении руководящих обществ[енных] организаций к правительству. Разговор происходил в его кабинете, в помещении Русско-Азиатск[ого] банка... Говорил Червен-Водали о том, что ему хорошо известно о готовящемся выступлении против правительства, что он всеми силами пытается предотвратить это выступление, всеми средствами сдерживает напор военной партии, с Артемьевым¹¹⁹ и Сычевым во главе, но что больше сдерживать этого напора не в силах, что с ним уже перестали считаться и кровопролитие, очевидно, неизбежно, но он все же еще надеется, что социалистические] организации пойдут на некоторые уступки. Вечером этого же дня в городск[ом] театре должно было состояться общее собрание городских и земских деятелей и Червен-Водали обещал мне выслушать это собрание, но оно, командующим войсками Артемьевым, не было допущено.

После вышеописанного мне пришлось быть у Червен-Водали вместе с представителями земства Я.Н. Ходукиным, И.Х. Петелиным, П.Н. Данбиновым, А.И. Филипповым и тов[арищем] гор[одского] головы А.Я. Гончаровым. Это было уже после перехода гарнизона Военного городка и станции Иннокентьевской на сторону повстанцев. Шли мы в Русско-Азиатский банк, чтоб выслушать новые предложения Червен-Водали. Червен-Водали, приняв нас, сказал, что события последних дней, особенно переход власти в Красноярске к Комитету обществ[енных]

¹¹⁸ Исправлено «Таким правительством» на «Такое правительство».

¹¹⁹ Артемьев – генерал-лейтенант; командующий войсками Иркутского округа.

организаций, убедили его в невозможности дальнейшего существования колчаковского правительства, что оно должно передать власть земству. При этом он добавил, что это его личный взгляд, мнения всего Совета министров он пока еще не знает.

Далее он заявил, что считает необходимым также и уход Колчака. Главными условиями передачи власти земству он считает свободный пропуск Колчака, министров и всех ответственных гражданских и военных лиц на восток; передача золотого запаса, как собственности Российского государства, под охрану представителям иностранных держав и признание Деникина Верховным правителем на территории Европ[ейской] России. Все эти вопросы, сказал он далее, будут поставлены им на обсуждение пред Советом министров, и завтра к 3-м часам дня будет вынесено определенное решение. Нас Червен-Водали просил поставить пред Политическим центром¹²⁰ и сообщить к 3-м час[ам] завтрашнего дня его решение. На завтра, в 3 часа дня, мы шли к Червен-Водали сообщить ему ответ Полит[ического] центра, но он, не спросив ответа, заявил, что Совет министров решил власти земству не сдавать. Выслушав заявление, мы ушли. Больше Червен-Водали я не видел.

Павел Зицерман.

Зачеркнуто «Червен-Водали», исправлено «Такое правительство» – верить.

Товарищ предс[едателя] Чр[езвычайной] следственной] комиссии *К. Попов*.

ЦА ФСБ России. Арх. № Н-501. Д. 7. Л. 71–72 об. (Рукопись, подлинник.)

Протокол допроса в качестве свидетеля Александра Яковлевича Гончарова

(Адрес: Иркутск, Амурская, 21, кв[ртира] зубного врача Гончаровой)¹²¹. Марта 4 дня 1920 г., я, нижеподписавшийся, товарищ председателя Чрезвычайной следственной комиссии, К.А. Попов, опрашивал названного выше Гончарова в качестве свидетеля по делу А.А. Червен-Водали, причем Гончаров показал:

Переворот в декабре¹²² подготовлялся в течение нескольких месяцев. Главными организаторами его были краевые комитеты партий с[оциалистов]-д[емократов] и с[оциалистов]-р[еволюционеров], последние вели агитацию в войсках и рабочей среде. Видную роль в организации общественного мнения против колчаковского правительства сыграла Иркутская городская дума, которая своим постановлением от 25 ноября 1919 г. поставила точки над «и», выразив недоверие власти Колчака, бандита, как его называли ораторы, выступавшие на этом заседании.

За несколько дней до этого заседания, приблизительно числа 18—20-го, в Иркутскую городскую управу заходили, еще в то время, неофициальные представители власти Колчака, члены Экономического совещания¹²³, Червен-Водали и Бурышкин. Представившись нам как члены Всероссийского Союза городов, они информировали нас подробно о своей деятельности в несоветской России, у Скоропадского¹²⁴ и Деникина и у Колчака в Омске. Закончился наш разговор их предложением назначить время, когда бы они могли поговорить с городским

¹²⁰ Так в документе.

¹²¹ Адрес вынесен в верхний правый угол документа. Гончарова – возможно, супруга (сестра) А.Я. Гончарова.

¹²² Имеется в виду 1919 г.

¹²³ Государственное экономическое совещание – главной целью совещания провозглашалась разработка экстренных мероприятий в области финансов, снабжения армии, восстановления производительных сил и товарообмена в стране. В состав нового органа вошли министры: военный, финансов, торговли и промышленности, продовольствия, снабжения, путей сообщения, а кроме того, пять представителей Всероссийского Совета съездов торговли и промышленности, три представителя от правлений частных и кооперативных банков и Совета кооперативных съездов. 23 ноября 1918 г., открывая совещание, А.В. Колчак заявил, что придает собранию исключительное значение и считает, что оно должно решить вопросы, «от которых зависит наша жизнь или смерть».

¹²⁴ Скоропадский Павел Петрович (1873–1945) – 29 апреля 1918 г. на хлебоборбском конгрессе провозглашен гетманом Украинской державы. 14 декабря отрекся от власти и эмигрировал в Германию.

головой и мной¹²⁵, товарищем гор[одского] головы. Такое время нами было назначено через 1–2 дня. Разговор наш начался предложением их вступить Иркутскому городскому самоуправлению в состав Всероссийского Союза городов, но вскоре мы перешли к злободневному вопросу об организации власти.

В это время Пепеляев был в Иркутске и вел переговоры или, вернее, предлагал общественным деятелям вступить в состав министерства. Червен-Водали просил нас указать тех общественных партийных работников, которые бы вошли в состав м[инистерст]ва, во главе с Пепеляевым, причем м[инистерст]во это должно носить характер Всероссийского. Вместе с тем, он спрашивал наше мнение по вопросу о возможности существования такого состава м[инистерст]ва, в¹²⁶ которое должны войти лица с политической окраской от представителей приходов до социалистов включительно. Мы высказали резко отрицательную точку зрения на возможность такого коалиционного состава, рекомендовали сложить власть существовавшему м[инистерст]ву и передать ее социалистам. На этом наш разговор окончился.

Через несколько дней мы узнали, что Червен-Водали получил пост м[инист]ра внутр[енних] дел, а Бурьшкин – м[инист]ра финансов. Следующая моя встреча с Червен-Водали была за два дня до Иркутского восстания. Вечером меня экстренно вызвали в губ[ернскую] земскую управу. Там передали мне, что в 3 ч[аса] дня в управу заехал П.Д. Яковлев и сообщил, что и[сполняющий] д[ела] председателя Сов[ета] м[инист]ров Червен-Водали просит представителей земства и города пожаловать к нему в 5 ч[асов] вечера для переговоров по вопросу о передаче власти местным самоуправлениям.

Ровно в 5 ч[асов] вечера 4-е члена губ[ернской] зем[ской] уп[равы], один представитель Дальневосточного земства и нас двое представителей города явились в помещение Сов[ета] м[инист]ров (Русско-Азиат[ский] банк). Переговоры велись только одним Червен-Водали. Мотивируя цель нашего приглашения неблагоприятно сложившимися для Сов[ета] м[инист]ров обстоятельствами, отходом¹²⁷ от власти солдатской массы, Червен-Водали, без всяких обиняков, приступил сразу к существу дела, т. е.¹²⁸ к условиям передачи власти органам местного самоуправления. Мы указали ему, что уже организован Полит[ический] центр и что земство является лишь его составной частью; поэтому, не посоветовавшись с Пол[итическим] центром, мы не можем принимать никаких ответственных решений.

Предложения Черв[ен]-Водали сводились к следующему: 1) Сов[ет] министров передает здесь местную власть земству. 2) Колчак, по приезде в Иркутск, отрекается от власти, причем ему, как адмиралу Колчаку, разрешается беспрепятственный выезд на Дальний Восток. 3) Земская власть должна разрешить беспрепятственный выезд на восток всем желающим эвакуироваться офицерам и чиновникам правительства и, 4) Золото, вывезенное из Омска, передается на хранение Японии и Америке, до организации признанного союзниками Всероссийского правительства.

Мы высказали глубокое сомнение в приемлемости настоящих предложений для Политического центра и разошлись до 3-х часов следующего дня, когда обе стороны должны были выяснить точки зрения уполномочивающих их организаций. На следующий день Полит[ический] центр с утра открыто работал в город[ской] управе. [Пожелания] Чер[вен]-Вод[али] им были отвергнуты; мы получили императивн[ое] требование при переговорах с властью предложить ей сдаться без всяких условий. В три часа мы направились в Сов[ет] м[инист]ров. Нас встретил Черв[ен]-Вод[али]. Не выслушав нашего заявления, он сообщил¹²⁹ нам, что Сов[ет]

¹²⁵ Далее зачеркнуто «помощником», надписано «товарищем».

¹²⁶ Далее зачеркнуто «составе».

¹²⁷ Исправлено «отходом».

¹²⁸ Далее исправлено «к условиям».

¹²⁹ Далее надписано «нам».

м[инист]ров постановил прервать переговоры и выступить против нас, если мы не убедим социалист[ические] партии вступить в состав коалиционной власти.

Для нас стало очевидным, что переговоры эти были затеяны с целью затяжки во времени, в течение которого могли подойти, давно ожидаемые Сов[етом] министров, подкрепления от Семенова и японцев. Это последнее обстоятельство, с одной стороны, было вскользь отмечено Червен-Вод[али], когда он сообщал нам последнее решение Сов[ета] мин[истров], а с другой, уже вполне определенно и официально было заявлено в черносотенной газете во время самого восстания. Время самого восстания я провел в Иркутске и больше ни в каких переговорах не принимал участия. О погибших 31-ом товарищ[е] я узнал уже после восстания.

11¹³⁰/Ш – 20 г., г. Иркутск.

А. Гончаров.

В показаниях Гончарова собственноручно зачеркнуто «помощником», надписано «товарищем», зачеркнуто «составе», исправлено «отходом», «к условиям».

Товарищ председателя К. Попов.

ЦА ФСБ России. Арх. № Н-501. Д. 7. Л. 73–75 об. (Рукопись, подлинник.)

Протокол допроса Ивана Ивановича Ахматова

Марта 30 дня 1920 г., я, тов[арищ] председателя Ир[кутской] губернской чека К.А. Попов, допрашивал названного Ахматова в качестве свидетеля по делу Червен-Водала, причем последний на предлагаемые вопросы отвечал: я, Иван Иванович Ахматов, 33-х лет, член ЦК РСДРП, женат, Червен-Водала – посторонний, живу в гор[оде] Иркутске, по Котельниковской ул[ице], в д[оме] № 14–16; по делу, излагая свои показания по Вашему предложению, собственноручно показываю:

Политическая подготовка восстания и начало его

Начало политической кампании за восстановление мирных взаимоотношений с советской Россией и свержение диктатуры адм[ирала] Колчака восходит к концу 1918 года. К этому времени одному из делегированных Центральным комитетом нашей партии товарищ[у] удалось объехать все партийные организации по магистрали до Владивостока включительно и установить, в качестве единой определяющей линии поведения, идею единого революционного фронта, т. е. идею коалиции коммунистической и социалистических партий на основе борьбы: 1. Против интервенции и 2. За мир с советской Россией.

В первых числах февраля конференция сибирских организаций РСДРП партий, в которой участвуют двое представителей Центрального комитета, пишущий эти показания и товарищ, о котором я упоминал выше и который впоследствии, по возвращении в Москву, читал¹³¹ публичные доклады в политех[ническом] музее о колчаковщине, – формулирует свои задачи как борьбу [во]-1-х, против интервенции, [во]-2-х, за единый революционный фронт, в ближайшую очередь за ликвидацию войны с советской Россией. Кое-какие из решений этой конференции дающему эти показания удалось опубликовать в подцензурной печати в заметках «На твердой стезе», помещенных в «Сибирском Рабочем», органе Иркутского Совета профессиональных союзов, под псевдонимом «Семен Секретарь».

Решения этой конференции вызвали резкую, с моментами политического доноса, критику в местной реакционной кадетской газете «Свободный край». Мир с советской Россией, борьба с интервенцией и единый революционный фронт впоследствии определили основные мотивы политической кампании выборов в городские самоуправления. В местностях, где удалось преодолеть пассивно-бойкотское настроение рабочих масс, эта кампания сплотила организации с[оциалистов]-д[емократов], с[оциалистов]-р[еволюционеров] и профессиональные

¹³⁰ Так в документе.

¹³¹ Далее зачеркнуто «до».

союзы и обеспечила закрепление городских самоуправлений за социалистической демократией. Такими местностями были Иркутск, Благовещенск и Барнаул.

Впоследствии это¹³² последнее обстоятельство сыграло значительную политическую роль. Оно расстроило повстанческие проекты генерала Гайды и окружавшей его буржуазной демократии, предполагавших свержение колчаковщины во имя продолжения борьбы с советской Россией, под лозунгами народовластия. В последние дни колчаковского режима оно расстроило имевшиеся, по-видимому, у правительства Колчака планы оторвать городские и земские самоуправления от повстанческих образований социалистической демократии – «Политического центра» и содействовало связыванию японских интервенционных сил.

Идея буржуазной демократии и генерала Гайды произвести свержение колчаковщины в целях двусторонней борьбы против большевизма и реакции был[а] политически опорочена нами, во-1-х, как идея возвращения к коалиции социалистической демократии с цензовыми элементами, во-2-х, как идея прикрывавшая интервенционную сущность мнимо революционного переворота и, в-3-х, как идея, имевшая в основе своей продолжение состояния войны с советской Россией, через временное перемирие с нею. Земская демократия, убедившись на опыте попыток Гайды и «Гайды – Якушева»¹³³ «соединить несоединимое», вульгарно выражаясь, «левеет», становится уступчивой по отношению к социалистическим партиям, соглашается на платформу однородно или, точнее говоря, разнородно социалистической власти, от коммунистов до эсеров включительно. Завязывающиеся на этой основе переговоры между земским Политическим бюро и краевыми организациями партий с[оциалистов]-д[емократов], с[оциалистов]-р[еволюционеров] и коммунистов увенчиваются созданием повстанческого объединения «Политического центра», в который входят Бюро сибирских организаций РСДРП, Всесибирский краевой комитет партии с[оциалистов]-р[еволюционеров], Сибирский Центральный комитет объединений трудового крестьянства и земское Политическое бюро.

Декларация Политического центра, выпущенная в ноябре, формулирует необходимость образования местной власти на смену «Всероссийскому» правительству адмирала Колчака, со следующими политическими задачами: «1. Прекращение состояния войны с советской Россией. 2. Борьба с внутренней реакцией, нашедшей свое наиболее яркое выражение в «атамановщине» и поддерживаемой империалистической Японией... 4) Установление договорных отношений с революционными государствами в целях совместной самозащиты от мировой реакции. (Подробнее смотри «Декларацию Полит[ического] центра»).

Идеи мира с советской Россией, союза революционных государств в целях объединения борьбы с мировой империалистической реакцией и социально-экономическая программа, рассчитанная на переходный от капитализма к социализму период, легли в основу деятельности образовавшегося объединения – Политического центра.

С начала 1919 года, укреплявшаяся партией социалистов-революционеров боевая организация, так называемый «военно-социалистический союз», с момента образования Политцентра переходит под его контроль и руководство. (Подробнее о деятельности военно-социалист[ического] союза и его роли в подготовке восстания могли бы, думается, дать показания Фл. Фл. Федорович¹³⁴ и Вас. Моисеевич Коногов – бывшие члены Политического] центра..) Флор Федорович был назначен представителем Политцентра в сформировавшийся штаб «1-

¹³² Далее надписано «последнее».

¹³³ Якушев Иван Александрович (1882–1935) – видный сибирский общественный и политический деятель; один из активных создателей сибирского областничества; член ЦК ПСР. В январе 1918 г. избран председателем Сибирской областной думы. С 1922 г. в эмиграции, где создал Общество сибиряков в Чехословацкой республике и издавал альманах «Вольная Сибирь».

¹³⁴ Федорович Флориан Флорианович (1880–1928) – видный член ЦК ПСР; участник Учредительного собрания от 4-го избирательного округа Пензы. В ноябре 1919 г. избран в состав Политического центра; назначен его председателем. В 1920 г. вошел в состав Временного Совета Сибирского народного управления. С середины 1920-х гг. находился в ссылке в Оренбурге, работая экономистом. В 1922 г. проходил по московскому показательному процессу над социалистами-революционерами; приговорен к 10 годам тюремного заключения. Умер от заражения крови.

й народно-революционной армии Восточной Сибири», Викентий Викентьевич Соколов (Максимов)¹³⁵, погибший в числе «31» – увезенных Сычевым, – начальником штаба, а Н.С. Калашников, при двух политических уполномоченных М.М. Константинове и В.Н. Мерхалеве¹³⁶ – командующим.

21-го декабря, по приказу Фл. Федоровича¹³⁷, уполномоченного Политцентра в штабе народно-револ[юционной] армии, было занято Черемхово распропагандированными Политцентром войсками местного гарнизона. В поддержку Черемхово развязываются восстания в Балаганске и Верхотуренске. Правительство адмирала Колчака перед лицом этого восстания оказывается вне возможности выслать из Иркутска войска для подавления, опасаясь внутреннего восстания и ослабления «своих» войсковых частей в Иркутске, ведет переговоры с Читой и японцами.

24-го декабря гарнизон Глазкова, под командой Н.С. Калашникова, занимает ст[анцию] Иркутск. Н.С. Калашников и В.Н. Мерхалев, первый в качестве командующего, второй как один из двух политических уполномоченных, причем шлют телеграмму Червен-Водали с требованием сдать власть Политическому центру. Правительство Червен-Водали, продолжая переговоры с Читой и японцами, проектирует отколоть земство и городское самоуправление от Политического центра и предлагает переговоры думству и городу¹³⁸, якобы с целью обеспечения «безболезненного» перехода власти. Переговоры эти были прерваны Червен-Водали после того, как выяснилась невозможность отколоть городское и земское самоуправления от Политического центра. Предполагаю, что некоторую роль в этом¹³⁹ сыграл и факт ареста¹⁴⁰ боевой руководящей власти нашего штаба, вместе с начальником его, покойным Вик. Вик. Соколовым. (Подробнее об этих переговорах, думаю, могли бы дать показания их непосредственные участники, со стороны земства Я.Н. Ходукин, от городской думы П.В. Зицман и А.Я. Гончаров.)

Предположенное на 25-е декабря выступление внутри Иркутска не удалось, так как не все воинские части, на которые рассчитывал штаб народно-революционной армии, оказались к этому времени в состоянии выполнить боевой план. (Подробнее об этом моменте, полагаю, могли бы дать показания В.М. Коногов и Ф.Ф. Федорович.) Начальник штаба, покойный В.В. Соколов (Максимов), человек очень осторожный, под влиянием этого обстоятельства, провел в штабе роковое решение отложить выступление на сутки. Роковым называю это решение потому, что военно-руководящая головка штаба, вместе с его начальником В.В. Соколовым, была после этого арестована, и в день развязки вооруженных операций в Иркутске – 27-го декабря – повстанческая организация оказалась фактически без штаба.

Полицейские условия в Иркутске к этому времени были таковы, что, например, 26 декабря Политическому центру за полдня пришлось три раза менять место своих заседаний, один раз понадобились даже операции с бритьем бород и усов и переодеванием, так как всякий раз устанавливалось¹⁴¹, что район местопребывания Политцентра оказывался в сфере ищейского внимания колчаковцев. Происшедшее, в связи с несостоявшимся выступлением, расконспирирование ответственных руководителей повстанческих частей ставило под риск не только этих руководителей, оказавшихся вынужденными проводить свои часы вне казарменных поме-

¹³⁵ Соколов (Максимов) Викентий Викентьевич (?—1920) – начальник штаба 1-й народно-революционной армии Восточной Сибири; расстрелян на оз. Байкал.

¹³⁶ Мерхалев Владимир Николаевич (1887–1927) – член ПСР; в 1918 г. входил в состав Военного комитета ПСР. В 1919 г. командующий 1-й народно-революционной армией Восточной Сибири. В январе 1920 г. назначен уполномоченным Политического центра при командующем армией. В 1922 г. на показательном московском процессе над социалистами-революционерами выступил одним из сорока свидетелей защиты. Умер в ссылке.

¹³⁷ Далее зачеркнуто «полит. представитель».

¹³⁸ Далее зачеркнуто «Переговоры эти вели».

¹³⁹ Далее зачеркнуто «распор».

¹⁴⁰ Далее надписано «боевой руководящей власти».

¹⁴¹ Далее зачеркнуто «всякий р».

щений, но и сами эти части: Сычевым готовилось разоружение инструкторского батальона, главного ударного ядра повстанческих организаций. Пришлось в предупреждение этого удара, могшего оказаться решающим для всего дела восстания, развязывать движение фактически без штаба. Его роль фактически вынуждены были принять несшие обязанности боевых офицеров И.П. Кашин и покойный Виктор Шихов, совместно с членами Политцентра Ф.Ф. Федоровичем и В.М. Коноговым.

Начавшееся в 5 часов вечера выступление инструкторского батальона, поддержанное двумя ротами отряда «особого назначения» бывшего упр[авляющего] губернией Яковлева, под командой Решетина и казачьей сотней, под командой М. Петелина, увенчалось успехом. Город, в большей своей части, был занят повстанцами. Но пущенный в ряды одной из выступивших частей провокационный слух, исходивший от управляющего губернией П.Д. Яковлева, о будто бы пришедших на подкрепление правительству японцах и семеновцах заставил повстанцев отступить за Ушаковку и укрепиться в Знаменском предместье. Ночь с 27 на 28-е прошла в непрерывной работе по агитации в воинских частях, расположенных в Знаменском предместье. В результате этой работы, в которой деятельное участие, кроме пишущего эти строки, приняли В.М. Коногов, И.П. Кашин, Виктор Шихов и другие, было обеспечено присоединением к повстанцам, остававшихся до этого нейтральными, остальных, – не помню точно, – 3-х или 4-х рот отряда особого назначения. Сформировался штаб, организовалось снабжение, налаживалось сообщение с заангарской группой войск, очистившей к этому времени участок от ст[анции] Михалево до Нижнеудинска.

С утра 28-го декабря началось формирование рабочих дружин в Знаменском предместье. Бои за обладание Иркутском, начавшиеся с этого дня, велись знаменской группой войск, получавшей непрерывные подкрепления из-за Ангары.

29-го, по поручению Политцентра, мне пришлось покинуть Знаменское и перебраться в Глазково¹⁴². Задача заангарской группы войск к этому времени распадалась на две: 1) защитить Иркутск с востока от наступающих семеновских отрядов и 2) помешать продвижению колчаковских эшелонов, оставшихся в районе ст[анции] Камышет Тюменской ж[елезной] д[ороги]. При слабости повстанческих сил эти задания приходилось разрешать не столько в порядке открытой вооруженной борьбы, сколько в порядке морально-политического давления на командный и дипломатический состав чеховоиск и разного рода железнодорожными манипуляциями. В большей части это удавалось, но не всегда. Так, например, чешское командование и их дипломатическое представительство гарантировало, что семеновские отряды ими не будут пропускаться западнее ст[анции] Михалево.

Меж тем, на рассвете 31 декабря, семеновские эшелоны, под прикрытием броневика и артиллерии, продвинулись в глубокий тыл головного¹⁴³ глазковского отряда заангарской группы войск. Семеновский броневик дошел до рва, разделяющего Глазково от Звездочки¹⁴⁴, находящегося, полагаю, на расстоянии полутора верст от ст[анции] Иркутск. Положение глазковской группы войск было одно время критическим. Помещение¹⁴⁵ главного штаба оказалось настолько близким к передовым линиям, что находившиеся в нем, вместе со мною и начальником штаба И.Н. [З]оркиным, пор[учик] Попов был ранен в голову, а Я.Н. Ходукин контужен в ногу. Наступление семеновцев в этот день было отбито благодаря удачному обходному движению, предпринятому по решению штаба. Если не ошибаюсь¹⁴⁶, идея этого обхода была предложена пол[ковником] Красильниковым. Отбитое внезапное наступление семенов-

¹⁴² Далее слово «Задачей» исправлено на «Задача».

¹⁴³ Далее зачеркнуто «отря».

¹⁴⁴ Далее надписано «находящегося».

¹⁴⁵ Далее надписано «главного».

¹⁴⁶ Далее зачеркнуто «мысль об».

цев, наряду с непрекращавшимися наступлениями, предпринимавшимися знаменской группой войск, дало свои результаты. Началось разложение в рядах правительственных войск¹⁴⁷. Почти всякое наступление знаменцев на город сопровождалось переходом на сторону повстанцев той или иной группы из войск, образовавшихся в черте города.

Перемирие и переговоры о сдаче власти

Вот в этих условиях представители согорных (Согор – союз городов. – С. Д.) миссий предложили нам посредничество в переговорах с правительством Червен-Водали об условиях сдачи власти. Учитывая необходимость нейтрализации японских сил, которую¹⁴⁸, по состоянию вооруженных сил повстанческой армии, было сугубо важно обеспечить, и рассчитывая дипломатическим путем добиться международного вынуждения Японии соблюдать политику невмешательства в вооруженную борьбу за обладание Иркутском, – мы приняли эти предложения.

3-го января гражд[анин] Ларионов и генерал Вагин, в присутствии «высоких комиссаров союзных стран» Англии, Франции и Японии, сошлись с представителями Политцентра, среди которых, кроме меня, были тов[арищи] А.А. Иваницкий-Василенко и Я.Н. Ходукин. Гвоздем этих предварительных переговоров было основное стремление представителей правительства Колчака, сдавая власть в Иркутске, обеспечить: 1) Возможность образования на востоке власти «Всероссийского значения», [во]-2-х, пропуск на восток офицеров и вообще военных из¹⁴⁹ эшелонов Колчака и отрядов Каппеля с оружием в руках и, [в]-3-х, продвижение на восток золотого¹⁵⁰ запаса. По поводу последнего должен оговориться, что это положение облекалось в достаточно неопределенную форму.

Основные наши требования были: 1) подписание акта об отречении Колчака и сдача им полноты власти Политцентру, 2) подписание акта Советом министров о сдаче власти Политцентру, 3) отрешение ат[амана] Семенова от всех должностей, 4) оставление золотого запаса на территории Политцентра и 5) охрана тоннелей смеш[анными] отрядами¹⁵¹ народно-революц[ионной] армии. В переговорах вокруг положений выставленных Политцентром¹⁵² принимали участие и «высокие комиссары союзных стран». В частности, под их давлением некоторые положения пришлось смягчить¹⁵³, как на пример укажу на пункт об охране тоннелей, который в последующей редакции был сформулирован, если не ошибаюсь, так: «охрана тоннелей ведется смешанными отрядами чеховоиск и народно-револ[юционн]ой армии».

К вопросу о «31»

В начале переговоров Ларионовым и Вагиным, в присутствии «высоких комиссаров союзных стран», были даны заверения в том, что арестованные, среди которых, как я отмечал, находился наш начальник штаба В.В. Соколов (Максимов), находятся вне какой-либо опасности для их жизни, в гостинице «Модерн», под вполне лояльной охраной и что вообще никто из них не¹⁵⁴ пострадает. Впоследствии факт дачи этих гарантий¹⁵⁵ дал Полит[ическому] центру возможность обратиться к «высоким комиссарам¹⁵⁶ союзных стран» с соответствующим заявлением по поводу увоза «31» товарища, состоявшегося в нарушение условий перемирия.

¹⁴⁷ Далее зачеркнуто «Всякое».

¹⁴⁸ Далее зачеркнуто «можно было».

¹⁴⁹ Далее зачеркнуто «оста».

¹⁵⁰ Далее зачеркнуто «воен».

¹⁵¹ Далее зачеркнуто «чеховоиск и».

¹⁵² Далее зачеркнуто «под».

¹⁵³ Далее надписано «как».

¹⁵⁴ Далее зачеркнуто «стал».

¹⁵⁵ Далее зачеркнуто «нам».

¹⁵⁶ Далее зачеркнуто «высо».

Продление перемирия

В конце переговоров 3-го января представителями правительства Колчака гр[ажданами] Ларионовым и Вагиным был возбужден вопрос о продлении перемирия без ограничения срока. Мы категорически отклонили это предложение. Тогда ими еще был возбужден вопрос о продлении перемирия на 24 часа, поддержанное и «союзниками». Не помню точно, приняли ли мы 24 часа перемирия или свели его к 12-ти часовому. Во всяком случае¹⁵⁷, продление перемирия нами было принято.

В день вторичной встречи с представителями правительства адм[ирала] Колчака, назначенной на 2 часа дня, должны были прибыть Червен-Водали, Бурышкин и еще кто-то из членов кабинета. Вместо назначенных 2-х часов дня Червен-Водали, Бурышкин, Ларионов¹⁵⁸, Вагин и еще кто-то явились в 6 часов вечера. Гвоздем этих окончательных переговоров снова стали тенденции, твердо отстаивавшиеся Червен-Водали и Ларионовым, сдать власть в Иркутске и сохранить возможность образования на востоке власти «Всероссийского значения».

В середине этих переговоров генерал Жанен сообщил мне о каких-то происходящих в городе «беспорядках» и посоветовал поскорее ввести войска народно-революционной армии в город, чтобы прекратить «безобразие». Что за «беспорядки» и «безобразие» творилось в городе, Жанен не мог объяснить, но высказал предположение, что «эти бандиты», в нарушение перемирия¹⁵⁹, «бесчинствуют», по-видимому, бегут из города. Наши сообщения с Знаменским предместьем, откуда только и могли быть введены войска, были таковы, что требовалось несколько часов для доставки сведений. Кабель через Ангару проложить не удалось. Сообщение поддерживалось на лодках через шугующую реку.

Получивши сообщение о каких-то «беспорядках» в городе и учтя¹⁶⁰ незамеченный до того уход из зала заседаний военных членов делегации правительства Червен-Водали, мы поставили вопрос перед Бурышкиным и Червен-Водали, [во]-1-х, о значении¹⁶¹ предпринимаемого ими в городе и, [во]-2-х, ухода военных представителей из зала заседаний. Крайне растерявшиеся, видно взволнованные, они утверждали, что¹⁶² ничего не знают о происходящем в городе, как равно не понимают причин ухода военной части своей делегации, уверяя нас, что «это их серьезно беспокоит». Делегация Политического центра констатировала нарушение условий перемирия и прервала переговоры¹⁶³.

Уже по дороге в штаб я узнал, что беспорядки в городе свелись в попытке семеновцев и сычевцев увезти часть золота и что там следом разразилось внутреннее восстание, что город занят повстанцами. (О том, что происходило в городе, вернее сказать, о том, как протекало это внутреннее восстание 4-го января до истечения перемирия, могли бы, думается, дать показания остававшиеся в городе члены Политцентра Л.И. Гольдман¹⁶⁴ и М.С. Фельдман¹⁶⁵, а также

¹⁵⁷ Далее зачеркнуто «перемирие».

¹⁵⁸ Далее зачеркнуто «и другие».

¹⁵⁹ Далее зачеркнуто «удирают из города».

¹⁶⁰ Далее зачеркнуто «отсутствие де».

¹⁶¹ Далее зачеркнуто «происходящ».

¹⁶² Далее надписано «ничего».

¹⁶³ Далее зачеркнуто «Выход».

¹⁶⁴ Гольдман Леон Исакович (1877–1939) – избран на 1-м Всероссийском съезде Советов РСДРП кандидатом в члены ВЦИКа от фракции социал-демократов меньшевиков; в августе 1917 г. вошел в состав ЦК Объединенного съезда РСДРП от оборонческого большинства; член Временного Совета Российской республики (Предпарламента). В ноябре 1919 г. избран в Политцентр; в январе 1920 г. член Временного Совета Сибирского народного управления от Политцентра. Принимал участие в Томских мирных переговорах Политцентра с советской Россией.

¹⁶⁵ Фельдман Моисей Соломонович – член ПСР; в ноябре 1919 г. вошел в состав Политцентра, в январе 1920 г. член Временного Совета Сибирского народного управления от Политцентра.

тов[арищ] Л.Я. Герштейн¹⁶⁶.) О том, как протекали военные операции после 4-го января, сообщить ничего не могу, так как, начиная с 5-го января, был всецело занят работой по ликвидации всякого рода «недоразумений» с иностранцами, особенно с японцами¹⁶⁷. О ходе операций за это время мог бы дать показания В.Н. Мерхалев, уполномоченный Политцентра в штабе Народно-революционной армии.

Иван Иванович Ахматов. [г.] Иркутск... 30-го марта 1920 г.

Все поправки и перечеркивания сделаны самим свидетелем и им не оговорены.

Тов[арищ] председателя] Ир[кутской] чека К. Попов.

В показаниях Ахматова зачеркнуто: «полит. представитель», «переговоры эти вели», «распор», вписано исправленное «боевой руководящей части», зачеркнуто «в какой», «мысль об», вписано «главного». Зачеркнуто «можно было», «оста», «воен», «чеховойск», вписано «как», зачеркнуто «стал», «перемирие», «удирают из города», «отсутствие де», вписано «ничего», зачеркнуто «Выход», «Об этом», надписано «О ходе операций за это время» – все собственноручно Ахматовым – верить.

Тов[арищ] председателя] Ир[кутской] чека К. Попов.

ЦА ФСБ России. Арх. № Н-501. Д. 7. Л. 76–78. (Рукопись, подлинник.)

Протокол допроса гражд[анина] Александра Николаевича Алексеевского

Я, нижеподписавшийся, товарищ председателя Чрезвычайной следственной комиссии, К.А. Попов, допрашивал названного выше Алексеевского в качестве свидетеля по делу А.А. Червен-Водали, причем последний показал:

Я, Александр Николаевич Алексеевский, проживающий в квартире Ходукина по набережной Ангары, № 5, в родстве и близких отношениях с Червен-Водали не состоявший, знал Червен-Водали как общественного деятеля, а впоследствии министра внутренних дел и заместителя председателя Совета министров правительства Колчака. Лично знаком с Червен-Водали не был; видел его и разговаривал с ним два раза, оба раза в последние дни перед декабрьским выступлением против колчаковского правительства в Иркутске.

Освобожденный перед тем за неделю из тюрьмы, под поручительство губ[ернской] зем[ской] управы, я был вовлечен в политическую борьбу в Иркутском земском Политическом бюро, как одной из составных частей так называемого Политического центра.

Когда произошло выступление в Глазково, среди правительственных кругов возникла мысль разрешить конфликт мирным путем; эта мысль, переда[нная] в круги, близкие Политическому] центру, встретила сочувствие. И вот, по приглашению Червен-Водали, группа лиц, делегированная Политическим] центром, имела свидание с Червен-Водали в помещении Совета министров, – Русско-Азиатского банка, – накануне выступления некоторых частей Иркутского гарнизона против правительства Колчака в самом городе Иркутске. Группа эта состояла из Я.Н. Ходукина, П.Н. Данбинова, А.И. Филиппова, Зицгермана, Гончарова и меня. Помню, нами было предложено, через Червен-Водали, который один говорил с нами, чтобы Совет министров добился от Колчака отказа от власти в пользу Совета министров, предварительно чему Колчак должен был [обещать] атамана Семенова устран[ить] от всех его должностей и отменить его приказ об образовании особого Забайкальского военного округа; Совет министров должен был далее передать всю полноту государственной власти на территории

¹⁶⁶ Герштейн Лев Яковлевич (1877–1935) – в 1917 г. на 3-м съезде ПСР избран членом ЦК; вошел в состав Временного Совета Российской республики (Предпарламента); член Учредительного собрания. В начале 1918 г. на 4-м съезде ПСР снова избран членом ЦК ПСР. В 1920 г. член Временного Совета Сибирского народного управления; назначен в Чрезвычайную следственную комиссию по делу арестованных членов колчаковского правительства. В середине 1920 г. арестован; в 1922 г. на показательном судебном процессе в Москве над партией социалистов-революционеров приговорен к смертной казни (за участие в террористических актах против представителей советской власти); приговор изменен на ссылку в Оренбург. До смерти работал в банке.

¹⁶⁷ Далее зачеркнуто «Об этом», надписано «О ходе операций за это время».

Сибири, не занятой большевиками, или Политическому центру, или Иркутской губернской земской управе, как государственному установлению, которому по закону первого Временного правительства принадлежит не только руководство хозяйственной жизнью губернии, но и управление ею; земство должно было, в дальнейшем, образовать государственную власть так, как требовали его договорные отношения с другими общественными и политическими элементами, составляющими Полит[ический] центр. Золотой запас должен был быть передан новой власти с тем, чтобы она сохранила его как общероссийское достояние. Лицам и приверженцам колчаковского правительства должно было быть предоставлено право свободного выезда на восток.

В общем, Червен-Водали заявил, что такая программа, приемлема для Совета министров; он возражал лишь против мнения, что порядок, способы и исключения из права свободного выезда на восток лиц колчаковского правительства практически должны были определяться новой властью. Он высказывал также мнение, что золотой запас, может быть, было бы лучше передать консорциуму иностранных банков государственного значения, для хранения до момента создания [будущей] общерусской власти.

В общем, оставалось впечатление, что соглашение почти достигнуто и что кровопролитие будет избегнуто. Однако на другой день, уже с утра, стали возникать сомнения в таком исходе, а [вечером], во время второго свидания, Червен-Водали заявил, что предложения Политического центра неприемлемы. Второе свидание было оттянуто по вине Совета министров на целый час, причем делегация Политического] центра, прибывшая вовремя, должна была ожидать около часа, пока Червен-Водали принял ее. Беседа в этот раз была очень короткой – всего минуты три-четыре.

Добавлю, что во время первой беседы был поднят вопрос, по инициативе нашей, о судьбе арестованных членов «штаба» [революционных войск], на одной из Иерусалимских улиц и в земском земельном отделе; мы просили их немедленного освобождения. Я особенно настаивал на этом в отношении члена губер[нской] земской управы Неупокоева; на это Червен-Водали ответил, что теперь, пока переговоры не закончены, об освобождении не может быть речи, особенно в отношении лиц военных или уличенных в участии в военной революционной работе, но что все они будут в полной безопасности, что об этом заботится сам Червен-Водали, поручивший их окороуливание (так в тексте. – *Примеч. ред.*) надежному, в отношении дисциплины, отряду особого назначения министерства] внутр[енних] дел. Червен-Водали обнадежил, что арестованные в недалеком будущем будут освобождены, что, в частности, Неупокоев будет, вероятно, освобожден даже завтра. Больше ничего показать не могу, так как этими двумя свиданиями [окончились] все мои сношения с Червен-Водали.

Александр Николаевич Алексеевский.

Тов[арищ] председателя] Ир[кутской] чека *К. Попов*.

ЦА ФСБ России. Арх. № Н-501. Д. 7. Л. 79–79 об. (Оригинал, рукопись.)

Глава 2

СОЗДАНИЕ И СОСТАВ ЧРЕЗВЫЧАЙНОЙ СЛЕДСТВЕННОЙ КОМИССИИ ПО ДЕЛУ ВЕРХОВНОГО ПРАВИТЕЛЯ РОССИИ АДМИРАЛА А.В. КОЛЧАКА

13 января 1920 г., за девять дней до официальной мирной передачи власти Политическим центром Иркутскому ВРК, на съезде профсоюзов Забайкальской железной дороги один из руководителей центра, член Учредительного собрания А.А. Иваницкий-Василенко заявил о проводимом расследовании «по поводу действий правительства Колчака» и даже предварительных его итогах.

«Открывается немало темных дел, — отмечал он, — с народным достоянием. Пока выяснены два крупных факта: бывшим министром финансов Иваном Михайловым экспроприровано из средств государственного казначейства бумажных денег сибирского образца на сумму 15 млн. руб., каковые он обменивал на так называемые романовки, платя за каждый романовский рубль 20 руб. сибирскими. Затем, бывшим временным председателем Совета министров Червен-Водали экспроприровано 10 млн. руб.; деньги эти, по простой записке Червен-Водали, Государственным банком выданы некому Казакову¹⁶⁸. Червен-Водали арестован и находится в Иркутской тюрьме, к розыску Ивана Михайлова и Казакова приняты меры»¹⁶⁹.

Следовательно, еще до передачи чешским командованием арестованных А.В. Колчака и В.Н. Пепеляева уполномоченным Политцентра и народно-революционной армии следствие по «делу правительства» уже находилось в производстве.

5 января 1920 г. для проведения предварительного следствия по делу заключенных под стражу лиц после свержения власти «право-большевистской атамановщины» были образованы городские и уездные следственные комиссии.

Им предоставлялись права: «1. Освобождать лиц, задержанных без достаточных к тому оснований. 2. Производить дознания о лицах, задержание коих признано необходимым ввиду опасности их для образовавшейся народной власти и общественного спокойствия. 3. Производить обыски, выемки и аресты через подлежащие местные власти»¹⁷⁰.

Специальным (пятым) пунктом ограничивались полномочия комиссий в освобождении чиновников кабинета министров правительства Колчака и «вообще лиц, занимавших ответственные должности или видное положение в органах свергнутой власти».

Руководством для дознания являлся устав уголовного судопроизводства, результаты предварительного следствия и акты, составленные с соблюдением всех требований. Две меры пресечения — залог и надзор милиции — на арестованных не распространялись. Внутренний порядок работы комиссий назначался ими самими, отдельные дела поручались одному из семи членов.

Начало следствия по делу правительства Колчака — 7 января, когда была учреждена ЧСК по производству расследований: «а) о лицах, принадлежащих к составу Совета министров, и о высших должностных лицах центральных учреждений свергнутого Российского правительства адмирала Колчака, б) изъятым, особыми в каждом случае, постановлениями Политического центра из общего порядка расследований городских и уездных следственных комиссий и в) о

¹⁶⁸ Казаков Василий Николаевич (1879?—?) — окончил юридический факультет Томского университета. Служил в Омском окружном суде: от судебного следователя до товарища прокурора. С августа 1918 г. прокурор Омского окружного суда. В августе 1919 г. назначен директором департамента милиции по представлению министра внутренних дел Омского правительства. В 1920 г. арестован и заключен в Омскую тюрьму.

¹⁶⁹ Сибирская правда (Иркутск). 1920. 13 января.

¹⁷⁰ Бюллетень информационного бюро Политического центра (БИБ ПЦ) (Иркутск). 1920. 8 января.

лицах, деятельность которых имеет неразрывную связь с делами лиц, упомянутых в пунктах а и б сей статьи»¹⁷¹.

ЧСК действовала на основании общего положения об уездных и городских следственных комиссиях, осуществляемого Сибирским земским Политбюро по соглашению с Иркутской городской управой от 5-го числа, и состояла из председателя и двух членов, назначенных Политцентром, а также по одному члену от Совета профсоюзов Сибири, ЦК объединенного трудового крестьянства Сибири и органов местного самоуправления.

В тот же день на протоколе, составленном уполномоченным Иркутской городской следственной комиссии М.Ф. Миллионщиковым¹⁷², о передаче в ЧСК переписки и документов, выявленных при обыске у 18 человек, неизвестное лицо вывело резолюцию: «Дело Совмина. Завесть наряд вещественных доказательств»¹⁷³.

В состав ЧСК вошли: председатель – юрист, присяжный поверенный, меньшевик-интернационалист К.А. Попов; члены: представитель от Политцентра – член Учредительного собрания, эсер Л.Я. Герштейн, от Исполкома Совета профсоюзов Сибири – эсер Г.И. Лукьянчиков¹⁷⁴, от земского политбюро – член Учредительного собрания, бывший председатель Амурского правительства, секретарь Государственного экономического совещания правительства Колчака эсер А.Н. Алексеевский и председатель Иркутской уездной земской управы эсер И.И. Головкин¹⁷⁵; М.Г. Гордин¹⁷⁶; инструктор Союза кооперативных объединений «Центросибирь», социал-демократ, меньшевик-интернационалист В.П. Денике¹⁷⁷.

Сбор вещественных доказательств ЧСК против «представителей павшей власти» сосредоточивался по трем направлениям. Первое – финансово-валютные операции правительства. Уполномоченным Политцентра по ведомству финансов 8 и 10 января были взяты показания у бывшего директора департамента государственного казначейства и ряда должностных лиц кредитной канцелярии о снабжении чиновников ведомства иностранной валютой (япон-

¹⁷¹ Там же. 1920. 13 января.

¹⁷² Миллионщиков Михаил Филиппович – уполномоченный Иркутской городской следственной комиссии Политцентра.

¹⁷³ ЦА ФСБ России. Арх. № Н-501. Д. 8. Л. 3.

¹⁷⁴ Лукьянчиков Георгий Иосифович (Осипович) (1875?—?) – уроженец Орловской губернии; член ПСР с 1905 г. В 1894 г. окончил учительскую семинарию и работал слесарем на Брянском заводе. За революционную деятельность неоднократно ссылался на Северный Кавказ. До 1905 г. работал на КВЖД, где активно занимался агитацией и пропагандой. До 1917 г. работал машинистом в Никольск-Уссурийске. В Февральскую революцию избран председателем Главного дорожного комитета; участник Всероссийских профессиональных съездов в Петрограде и Москве. В Томске на Всесибирском съезде профсоюзов – председатель Исполкома. В 1920-х гг. переехал в Читу и Владивосток, где состоял членом Дальбюро Всесибкрайкома ПСР, принимал участие в межпартийных совещаниях по объединению Дальнего Востока. В 1922 г. проходил по списку № 3 ПСР по Хабаровскому сельскому району Приамурской области, член Дальневосточного бюро ПСР, товарищ председателя Дальневосточного собрания Республики. Редактор читинской эсеровской газеты «Труд». 21 октября арестован по «делу эсеров» в Чите, 14 декабря переведен в Ярославский изолятор, где приговорен к высылке на три года в Туркестан.

¹⁷⁵ Головкин И.И. – в 1919 г. председатель Иркутской уездной земской управы. В 1920 г. член Временного Совета Сибирского народного управления от земств.

¹⁷⁶ Гордин М.Г. – 8 января 1920 г. назначен в состав Следственной комиссии при Политцентре.

¹⁷⁷ Денике Всеволод Петрович (1893–1939) – в 1916 г. окончил юридический факультет Казанского университета. До 1917 г. работал помощником присяжного поверенного; в политической деятельности участия не принимал (участвовал в студенческих кружках). В 1917 г. вступил в группу казанских независимых социалистов-меньшевиков. Принял предложение министра юстиции Комуча эсера А.С. Былинника приехать в Самару для работы в министерстве юстиции. Из Самары эвакуировался в Омск, где работал инструктором неторгового отдела в Союзе кооперативных объединений «Центросибирь», затем ассистентом в Иркутском университете. Член Иркутского клуба социал-демократов и меньшевиков им. Н.П. Патлых, один из руководителей организации социал-демократов меньшевиков-интернационалистов; брат видного русского социал-демократа, историка и публициста Ю.П. Денике (1887–1964). В 1920 г. Политцентром назначен первоначально заместителем председателя Чрезвычайной следственной комиссии по допросам Колчака, затем членом комиссии. В 1920-х гг. заведовал отделом высшей школы Сибирского областного отдела народного образования при Сибревкоме. В 1922 г. переехал в Москву, где работал в составе Московской коллегии защитников до 1938 г. По приговору Военной коллегии Верховного суда СССР от 14 апреля 1939 г. приговорен к расстрелу за «участие в антисоветской террористической кадетско-меньшевистской организации (П.Н. Малянтовича. – С. Д.), ставившей своей целью свержение советской власти и реставрацию капитализма в СССР». 15 апреля приговор приведен в исполнение.

скими иенами) по льготному курсу, после открытия в Харбинском отделении Русско-Азиатского банка текущих счетов.

Второе направление – с 11 января Попов, Денике и Лукьянчиков начали допрашивать некоторых арестованных, переданных гражданской следственной комиссией, в частности, бывшего штатного преподавателя Академии Генштаба Сыромятникова¹⁷⁸ и Червен-Водали¹⁷⁹. Для чего 10 января ЧСК своим постановлением приняла решение о составе вопросов для формального «опроса находящихся под стражей лиц, принадлежавших к составу центральных учреждений».

Комиссию интересовало: «1) Личность и служба в момент переворота 4–5 января с. г. и с какого времени состоял на должности или стоял у власти, 2) Кем и при каких обстоятельствах задержан, 3) Принимал ли то или иное участие в государственных переворотах: 1) июньском 1918 г., 2) сентябрьском того же года, 3) ноябрьском того же года, 4) Отношение к декабрьским событиям 1918 г. в Омске, 5) Круг деятельности служебной и общественной со времени июньского переворота 1918 г., 6) Принимал ли участие в политических работах Совета министров и своего министерства, 7) Какое участие принимал в последних событиях перед 4–5 января, 8) Принимал ли участие в постановлении от 19 ноября 1919 г. и пользовался ли этим постановлением, 9) Были ли на руках задержанного или в его распоряжении непосредственно перед переворотом 4–5 января казенные суммы и где они находятся»¹⁸⁰.

Третье направление – разбор документов в делах канцелярии Совета министров Омского правительства. И уже 13 января на стол председателя Попова легло показание об организации и подпольной работе Сибирского бюро ЦК РКП(б) в Уфе. «Копия. Секретно. Показания посадского Оглобина. Сибирское бюро ЦК РКП состоит из председателя Ивана Никитича Смирнова – члена Ревсовета 5-й армии, его помощника или заместителя Голощекина, секретаря Доры Климентьевы Гончаровой, экспедитора или делопроизводителя Айзермана и еще одного, название должности которого мне неизвестно, по фамилии Чижов. Все дела и касса бюро находятся в руках Гончаровой.

Гончарова – русская по национальности, училась в Ростове, по профессии фельдшерица, ей около 35 лет, в большевистских организациях она работала еще будучи институткой, т. е. приблизительно с 1904–1905 гг. В экспедиции заготовления бумаг, а также анализа документов работает латыш Айзерман, очень большой практик по подделке подписей, печатей, штампов, а также по разборке и составлению всевозможных шифров. Помещается это бюро в настоящее время в городе Уфе, на Аксаковой улице [...] Подчиняется бюро только лишь ЦК большевиков, откуда и получает средства.

Цели Сибирского бюро таковы: поддержка связей с сибирскими организациями, оказание помощи сибирским организациям деньгами, людьми и инструктированием, для чего у них существует такой порядок: узнав о том, что в каком-нибудь городе или заводе сгруппировалась организация, они вызывают с фронта Гузакова, дают ему транспорт, денег для передачи по тому адресу, который им известен.

Гузаков имеет в своем распоряжении отряд добровольцев, человек 60–70, которые находятся все время в районе расположения 3-й бригады 26-й дивизии 5-й армии. Фронт, особенно в Урале, сплошного характера не имеет, и Гузаков со всем или частью своего отряда перехо-

¹⁷⁸ Сыромятников Александр Дмитриевич (1886–1938) – окончил Академию Генштаба, в 1917 г. произведен в полковники. С июня 1918 г. служил начальником отдела в штабе Народной армии Комуча. С образованием Директории исполнял обязанности 1-го генерал-квартирмейстера; штатный преподаватель учебно-административного состава Академии Генштаба; в мае 1919 г. командирован на должность начальника штаба уполномоченного Верховного правителя по Енисейской губернии генерала С.Н. Розанова; с сентября по ноябрь – и. о. начальника штаба Приамурского военного округа. В декабре вел переговоры с чехами и Н.С. Калашниковым об обеспечении нейтралитета японских войск. В январе 1920 г. сдался в плен Политическому центру.

¹⁷⁹ ЦА ФСБ России. Арх. № Н-501. Д. 7. Л. 18–19, 97–99 об.

¹⁸⁰ Там же. Д. 7. Л. 2.

дит незаметно фронт, быстро является в том месте, где ему нужно, и сейчас же возвращается обратно. Гузаков, кроме передачи денег и инструкций, также информирует бюро о своей деятельности и недостатках в организации.

В помощь уже соответствующим организациям бюро посылает людей, переправой через фронт таких людей занимается тот же Гузаков [...] всем отправленным бюро выдает секретные документы [...] вместе с этими и другими документами каждому отправляемому выдается, мне лично был дан аванс 5000 руб., Погорелову в 25 000 руб., аванс в 5, 10 и 15 000 руб. Кроме того, почти всем выдаются еще подложные документы, как то – документы военнопленного, возвращающегося из Германии или Австрии в Сибирь, документы состоятельного человека, отступающего от большевистского нашествия, и много различных видов [...]»¹⁸¹.

Таким образом, первоначальный итог по трем направлениям деятельности ЧСК и позволил одному из руководителей Политцентра спустя всего лишь неделю со дня прихода к власти заявить о предварительных выводах в расследовании «действий» Омского правительства.

С арестом Верховного правителя и председателя Совета министров В.Н. Пепеляева «хлопот» для комиссии заметно прибавилось. Для полноты событийной картины немаловажно восстановить измененный многочисленными историко-художественными произведениями ход ареста и портреты прямых его участников.

15 января 1920 г. представитель Чехословацкой республики доктор Благож¹⁸² пригласил к себе члена Политцентра эсера Б.А. Косминского¹⁸³ для выяснения вопроса, как планируется провести передачу арестованных пассажиров. Борис Александрович заявил, что для этого к поезду № 52 немедленно направляется особая комиссия, которая, приняв пленников, передаст их дела для расследования в спешном порядке в ЧСК¹⁸⁴.

В 7 часов вечера комиссия перешла по льду на другую сторону Ангары. Ею был составлен и передан чехам акт: «15-го января 1920 г., мы, нижеподписавшиеся, составили настоящий акт в том, что сего числа в 9 часов 55 минут, по уполномочию Политического центра приняли от командира 1-го батальона 6-го полка майора Кравак¹⁸⁵, в присутствии дежурного офицера поручика¹⁸⁶ Боровичка¹⁸⁷, бывшего Верховного правителя адмирала Колчака и бывшего председателя Совета министров Пепеляева. Член Политического центра *М... Фельдман*, помощник командующего народно-революционной армии капитан Нестеров¹⁸⁸, уполномоченный Политического центра при штабе народно-революционной армии *В. Мерхалев*, начальник гарнизона г. Иркутска есаул Петелин»¹⁸⁹.

Со своей стороны, представители центра получили следующий документ: «15-го января 1920 г., настоящим удостоверяю, что от уполномоченных Политического центра мной получен акт в принятии бывшего Верховного правителя адмирала Колчака и бывшего председ[ателя] Сов[ета] мин[истров] Пепеляева. Деж[урный] офицер-подпоручик *Боровичка* 6-го чехо-войского полка»¹⁹⁰.

¹⁸¹ Там же. Д. 8. Л. 22–23.

¹⁸² Благож – представитель Чехословацкой республики в Сибири.

¹⁸³ Косминский Борис Александрович – член ПСР; в январе 1920 г. избран в члены Временного Совета Сибирского народного управления от Политцентра.

¹⁸⁴ Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 39532. Оп. 1. Д. 43. Л. 1 об.

¹⁸⁵ Кравак Франтишек (1889–1943) – с 1914 г. участник Первой мировой войны; в 1919–1920 гг. командир 1-го батальона 6-го Чешского полка.

¹⁸⁶ Правильно – подпоручика.

¹⁸⁷ Боровичка – подпоручик 1-го батальона 6-го Чешского полка.

¹⁸⁸ Нестеров Иван Петрович (?–1960) – член ПСР. В октябре 1917 г. вошел во ВЦИК от левых эсеров 2-го Всероссийского съезда Совета рабочих и солдатских депутатов. В 1918 г. член Учредительного собрания от Минской губернии; член Комуча. В 1920 г. помощник командующего народно-революционной армией Политцентра.

¹⁸⁹ Народная мысль (Иркутск). 1920. 17 января.

¹⁹⁰ ЦА ФСБ России. Арх. № Н-501. Д. 1. Л. 3.

Иркутская газета «Народная мысль» свидетельствовала с места события: «По узкой, едва установившейся дорожке, неровному льду Ангары, гуськом двинулось редкостное шествие. Оставленный всеми, потерпевший полнейший крах в своей государственной деятельности, тот, кто еще вчера горделиво именовал себя «Верховным правителем России», и рядом с ним представители революционной демократии, со своими верными народно-революционными войсками. В безмолвном морозном воздухе тихой зимней ночи (было около 12-ти час[ов] ночи), на белом покрове реки, отчетливо выделялись, как живые символы рухнувшей реакционной власти, затерянные одинокие фигуры Колчака и Пепеляева...»¹⁹¹

На следующий день К.А. Попов и уполномоченный народно-революционной армии поручик И.И. Кошкодамов¹⁹² распределили и препроводили в Иркутскую тюрьму 112 человек, снятых с поезда № 52. Постановления № 27 от 16-го и № 25 от 17-го (такая датировка и нумерация в документах. – С. Д.) определили порядок: «лица, состоящие на военной службе» зачислялись за начальником штаба армии (видимо, предполагавшим самостоятельное судопроизводство), а в ведение ЧСК, помимо 66 арестованных, поступили А.В. Колчак, В.Н. Пепеляев и гражданская жена адмирала А.В. Тимирева¹⁹³.

Фактически установленную дату в производстве следствия по персональным делам Колчака и Пепеляева следует отнести к 17 января 1920 г. Она объясняется следующим обращением Попова в Политцентр: «Чрезвычайная следственная комиссия просит Вас сообщить: постановлено ли дело адмирала Колчака и председателя Совета министров Пепеляева передать в следственную комиссию?»¹⁹⁴

К этому времени комиссией были приняты конкретные меры по результатам полученных сведений из трех протоколов допросов Червен-Водали: 19 января произведен розыск трех ящиков с 9 700 000 рублей в помещениях Оренбургского военного юнкерского училища (обнаружены не были. – С. Д.) и 380 000 рублей у директора департамента иркутской милиции В.Н. Казакова¹⁹⁵.

Содержание допросов не ограничивалось лишь «денежными» интересами, на втором допросе 14 января 1920 г. А.А. Червен-Водали подробно рассказал о переговорах Совета министров с представителями земства и города.

«...Эти переговоры были начаты с общего принципиального согласия Совета министров, данного в пятницу 25 декабря (1919 г. – С. Д.)... в связи с разговором лично с членом одной из

¹⁹¹ Народная мысль. 1920. 17 января.

¹⁹² Кошкодамов И.И. – поручик, член народно-революционной армии Политцентра.

¹⁹³ ФСБ России. Арх. № Н-501. Д. 7. Л. 5, 7–8. Тимирева Анна Васильевна (1893–1975) – родилась в семье известного пианиста, дирижера, директора Московской консерватории В.И. Сафонова (1852–1918). В 1911 г. окончила гимназию кн. Оболенской и занималась живописью в частной студии С.М. Зейденберга. Замужем за С.Н. Тимиревым и В.К. Книппером, имела сына (погиб в ГУЛАГовских застенках). В 1918–1919 гг. в Омске работала переводчицей в отделе печати при Управлении делами Омского правительства, в мастерских по шитью белья и раздаче его больным и раненым воинам. Самоарестовалась вместе с Колчаком, освобождена в том же году по октябрьской амнистии и в мае 1921 г. вторично арестована. Находилась в тюрьмах Иркутска и Новониколаевска, освобождена летом 1922 г. в Москве из Бутырской тюрьмы. В 1925 г. арестована и административно выслана из Москвы на три года, жила в Тарусе. В четвертый раз взята под арест в апреле 1935 г., в мае получила по ст. 58 (10) пять лет лагерей, которые через три месяца, при пересмотре дела, заменены ограничением проживания «минус 15» на три года. Возвращена из Забайкальского лагеря, жила в Вышнем Волочке, Верее, Малоярославце. В апреле 1939 г. осуждена на восемь лет лагерей; в Карагандинских лагерях работала на общих работах, потом – художницей клуба Бурминского отделения. 21 декабря 1949 г. арестована в Щербаковке как повторница без предъявления нового обвинения. 10 месяцев провела в тюрьме Ярославля и в октябре 1950 г. отправлена в Енисейск. Ссылка снята в 1954 г. В промежутках между арестами работала библиотекарем, архивариусом, воспитателем, ретушером, картографом и т. д.; подолгу оставалась без средств к существованию. Реабилитирована в марте 1960 г., с сентября того же года на пенсии. Автор воспоминаний. Подробно см.: «Милая, обожаемая моя Анна Васильевна...»: Сб. док. / Под ред. Павловой Т.Ф., Перченко Ф.Ф., Сафонова И.К. М., 1996; Милая химера в адмиральской форме. Письма А.В. Тимиревой А.В. Колчаку 18 июля 1916 г. – 17–18 мая 1917 г. СПб., 2002; Книппер А.В. «Не ненавижу, но люблю» // Стихи, воспоминания. Кисловодск, 2003.

¹⁹⁴ Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. Р-4. Оп. 1. Д. 14. Л. 4.

¹⁹⁵ ЦА ФСБ России. Арх. № Н-501. Д. 7. Л. 24–25; Д. 8. Л. 4–6.

земских управ Пашковым, который заявил о желательности таких переговоров и их возможности со стороны земства и городского самоуправления Иркутска [...]

На этих переговорах, которые велись мною одним лично, с моей стороны выдвигались в качестве основных пунктов соглашения: 1) снятие с существующей власти значения Всероссийской, 2) в связи с этим, сложение адмиралом Колчаком с себя звания Верховного правителя и передача ее Деникину, 3) временное признание Совета министров лишь сибирской властью с условием передачи ею власти представительному органу земства и городов, 4) до этой передачи или сотрудничества с земством и городом, или временное принятие власти Иркутским земством и городом, с обязательством скорейшего созыва Земского собора в том и другом случае.

Представители земства и города в лице Алексеевского, Ходукина, Зицманна и Гончарова и др[угих], определенного ответа на эти условия не дали [...] стало ясно, кроме того, что все наши переговоры с земствами и городом не принимаются Семеновым во внимание и делаются распоряжения военного характера при полном игнорировании этих переговоров и самого Совета министров [...]

При такой обстановке проводить переговоры и обнадеживать как себя, так и другую сторону в благополучном разрешении вопроса о власти я считал невозможным, боясь попасть по отношению к другой стороне в положение провокатора [...] и предпочел открыто заявить другой стороне, когда мы опять встретились в назначенное время, что продолжение переговоров бесполезно. Причем я мотивировал это тем, что по сведениям Совета власть в Черемхове и других местах перешла уже в руки большевиков и что, таким образом, при посредстве земства и города мы передали бы власть большевикам, что совершенно не соответствовало бы нашим желаниям.

С этого момента переговоры считались окончательными, и через два-три часа открылись со стороны Политического центра в самом городе Иркутске военные действия. Совету министров не оставалось уже более ничего, как опереться на имевшиеся в Иркутске и подходившие, по словам Сычева, с востока военные силы, подчиниться, в конечном счете, Семенову [...]

Сычев лично мне доложил, что рассчитывать на приход новых сил нельзя, что продержаться он может еще всего лишь несколько дней, что никаких активных операций развить не может, а потому считает дальнейшую борьбу безысходной и считает целесообразным вступить в переговоры с союзниками и с Политическим центром [...]

Сущность переговоров с союзниками сводилась: 1) к вопросу о разрешении снестись по прямому проводу или по телеграфу с адм[иралом] Колчаком относительно необходимости отказа Колчака от прав Верховного правителя, на что был получен положительный ответ, 2) к запросу союзникам, оказывается ли ими активная поддержка правительству, на что был получен ответ отрицательный [...] В целях окончательного установления соглашения были командированы: я, военный министр Ханжин, управляющий министерством путей сообщений Ларионов, министр финансов Бурышкин и тов[ариш] министра народного просвещения Палечек [...]

Когда устно мы с представителями центра пришли к соглашению по основным пунктам, относившимся к вопросу о власти [...] неожиданно явился представитель союзного командования – французский офицер, с заявлением о том, что в городе начались беспорядки, что бывший в городе семеновский отряд, и с ним генерал Сычев и группа военных уезжают из города, причем сделаны были попытки увезти с собой из банка запас золота, что не удалось благодаря вмешательству союзников. Благодаря этому заявлению произошло замешательство, переговоры фактически прервались [...]»¹⁹⁶

---

¹⁹⁶ Верховный правитель России: Документы и материалы следственного дела адмирала А.В. Колчака. С. 106–109.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.